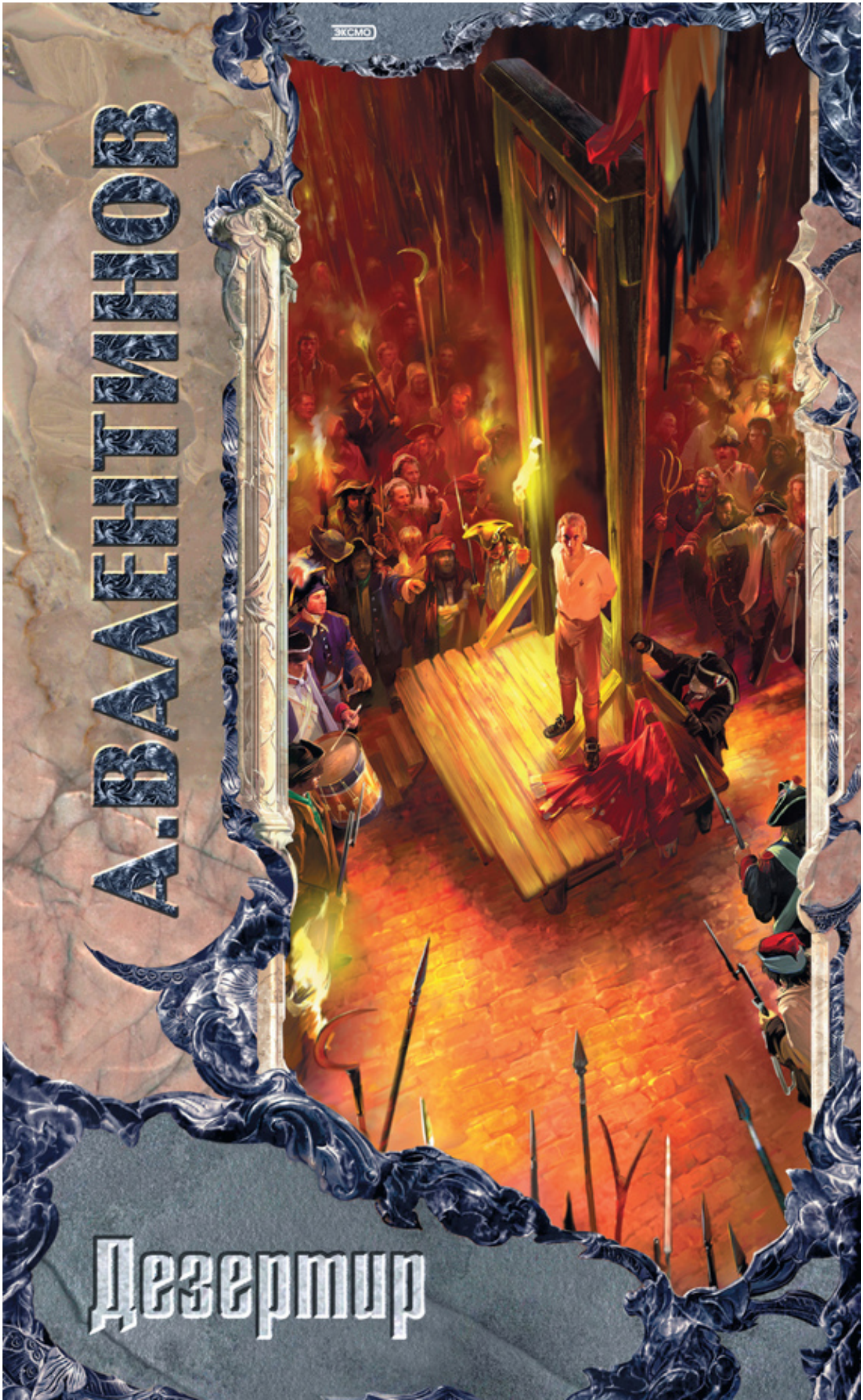
ЭКСМО
А. ВАЛЕНТИНОВ
Дезертир

Андрей Валентинов

Дезертир

«Автор»

1997

Валентинов А.

Дезертир / А. Валентинов — «Автор», 1997

Свобода, Равенство, Братство – и Смерть. Такой стала французская Революция для главных героев историко-фантастического романа Андрея Валентинова. Но Смерть, царящая в революционной Франции, не всесильна. Дезертир, бывший офицер королевской армии, переступивший черту, не желая больше убивать, возвращается к жизни – без имени, без памяти. Зачем? Надолго ли? Что он еще не успел сделать? Робеспьер и Дантон, роялисты и санкюлоты, последние из древнего народа дэргов и создатели первого радиопередатчика – героиизвестного романа Андрея Валентинова, одного из основателей жанра криптоистории.

© Валентинов А., 1997
© Автор, 1997

Содержание

Действие 1 5
Действие 2 36
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Андрей Валентинов
Дезертир

Вполне справедливо утверждение, что в этом мире нет ничего мертвого и то, что мы называем мертвым, лишь изменилось…

История сделает только одно: она пожалеет людей, всех людей, ибо всех постигла горькая доля.

Томас Карлейль. История Французской революции.

Действие 1
Некий шевалье пытается найти «Синий циферблат», или Париж в 1793 году

Небо было серым и плоским. Оно находилось совсем рядом – только протяни руку. Но я знал – это мне не по силам. Я не мог двинуться, не мог даже закрыть глаза, чтобы очутиться в спасительной темноте. Все потеряло смысл перед беспощадной истиной, близкой и безликой, как эта неровная, шершавая небесная твердь.

Я умер.

Я умер, и умер давно.

Голоса возникли внезапно – неясные и приглушенные, хотя говорили, как мне почудилось, совсем рядом. Вначале я не мог разобрать ни слова, но затем смысл стал доходить, словно кто-то, сжалившись, вновь даровал способность понимать уже ненужную мне человеческую речь. Те, что никак не хотели оставить меня в покое, были чем-то недовольны, голоса звучали раздраженно и зло.

– Еще один!

– Да пошли отсюда! Он же мертвый!

На миг я испытал облегчение. Да, я мертв, и пусть меня оставят в покое – одного, под серым холодным небом. Но голоса не стихали, они звучали все ближе, и вот небо дрогнуло. Вначале я не понял, но затем кто-то далекий и невидимый подсказал: меня приподняли, мне повернули голову…

– Хорош!

– Брось его, сержант! Вон их сколько!

Надо мной склонились тени – неясные, размытые контуры, в первый миг показавшиеся громадными, неправдоподобно высокими. Небо исчезло, мою голову вновь повернули, темная тень коснулась шеи…

Удивленный свист. Призрак, склонившийся надо мной, распрямился.

– Живой! Гражданин лейтенант, этот жив!

Жив? Я хотел тут же возразить, но не смог даже шевельнуть губами. Наверное, этот, кто подошел ко мне, на войне совсем недавно, если путает такие очевидные вещи…

…На войне! Я вспомнил! Меня убили на войне. Но не в бою, а как-то иначе. Впрочем, это уже все равно. Сейчас тот, кого назвали лейтенантом, подойдет и велит оставить меня в покое. Я мертвый, все, что со мной хотели сделать, уже сделано…

Второй призрак – такой же неясный, еле различимый на фоне серого неба, на миг оказался совсем рядом.

– Да, живой… Странно, он же весь в крови!

На миг я ощутил обиду и злость. Что они там, ослепли? Почему меня не хотят оставить в покое? Что им нужно?

– Приколоть, гражданин лейтенант?

Если бы я мог усмехнуться, то, конечно, сделал бы это. Нашли чем напугать! Меня, мертвого!..

– Погоди, гражданин Посье. Посмотри документы…

Меня вновь приподняли, темное пятно оказалось у самого лица. Кажется, обшаривают карманы… И вновь я ощутил злость – за такие вещи расстреливают! Мародеры! Был бы я жив…

Снова свист – удивленный, даже растерянный.

– Деньги! Ого! Гражданин лейтенант!

– Фальшивые?

На мгновение мне захотелось, чтобы деньги, которые они вытащили у меня из карманов, оказались непременно фальшивые. Из олова. Или даже из свинца, еле покрытого серебром…

– Настоящие вроде… Гражданин лейтенант! Вот! Вот!

– Что это?

Заминка. Тени были по-прежнему рядом. Что-то их заинтересовало, что-то необычное. Я уже понимал – не деньги. Что-то лежало у меня во внутреннем кармане, и это «что-то» сейчас внимательно разглядывается теми двумя, которые никак не хотят оставить меня в покое.

– Гражданин… Гражданин Шалье…

Голос звучал совсем по-другому – негромко, виновато. Тень склонилась совсем близко…

– Гражданин Шалье! Вы меня слышите?

И вновь хотелось объясниться. Я не Шалье! У меня была фамилия, было имя – когда-то, когда я был жив. Но эта фамилия звучала совсем иначе! Наверно, меня спутали с каким-то другим человеком – с гражданином Шалье, который действительно жив, которому, конечно же, надо помочь…

– Да…

Вначале я не понял, откуда донесся голос, но затем с изумлением сообразил, что это мои губы шевельнулись и это я попытался ответить – негромко, еле слышно…

– Гражданин Шалье! – Теперь в голосе лейтенанта звучала радость. – Все в порядке! Вы среди своих! Я – лейтенант Дюкло из роты Лепелетье![1] Сейчас позовем врача…

– Не надо, лейтенант. Я не ранен…

Я ответил, не думая, хотя и не солгал. Врач мне не нужен, и я не ранен. Но откуда-то издалека, словно с края света, донеслась странная мысль. Солгал не я, солгал он. Я, кем бы я ни был когда-то, не среди своих. Свои не называют друг друга нелепым словом «гражданин». И в той армии, где я когда-то служил, не было и не могло быть никакой роты Лепелетье. Роты должны иметь номера…

И вдруг я понял, что призраки исчезли. Вместо неясных расплывчатых силуэтов передо мной были люди – обычные молодые парни в синих шинелях с белыми ремнями. Тот, что слева, наверно, лейтенант – на его треуголке я заметил большую трехцветную кокарду…

Трехцветную? Я ощутил какую-то странность. Кокарда не должна быть трехцветной! Она должна быть белой! И шинели не могут быть синими! Синее носят враги…

Все стало на свои места. «Синие»! Мы так и называли их – «синие»! Каратели… Убийцы… Рота Лепелетье – кажется, тот, кем я был раньше, слыхал о такой!

– Вы – из Внутренней армии?

[1] Рота названа именем Лепелетье де Сен-Фаржо, видного якобинца, убитого в январе 1793 года.

– Так точно, гражданин национальный агент![2] Только вы не разговаривайте. Нельзя вам! Эй, где там врач?

Национальный агент? Эти слова мне ничего не сказали, но теперь я уже понимал, что случилось. Меня приняли за другого – за национального агента Шалье, который в отличие от меня жив и даже не ранен. И виной этому документ – тот, что вытащили из внутреннего кармана моего камзола. И вдруг я вспомнил, как выглядит этот документ – большая, плотная, чуть желтоватая бумага, сложенная вчетверо, с загнутым уголком. Да, эту бумагу я помнил, как и то, что я не имел к ней никакого отношения. Мне ее дали – перед самым концом, перед тем, как я увидел склонившееся надо мною серое небо…

– Где тебя носит, гражданин? Скорее!

Эти слова относились явно не ко мне. Рядом были по-прежнему двое, но вместо молодого парня в треуголке – того, кого лейтенант называл гражданином Посье, оказался кто-то другой – средних лет толстячок с небритым подбородком и в совершенно штатского вида шляпе.

– Где тебя носит, гражданин Леруа? Скорее!

Сейчас все выяснится! Этот Леруа (неужели нельзя сказать «господин Леруа»?) явно врач. И каким бы он ни был скверным врачом, он, конечно же, определит, что я мертв. И тогда меня оставят в покое. В покое… Большего мне не хотелось, да и невозможно мечтать о чем-либо другом такому, как я. Ведь мне уже ничего не надо…

И тут я вновь ощутил беспокойство. Нет, я ошибался! Что-то мною не сделано! Что-то важное! Да, в этом-то все и дело! Они принимают меня за живого, потому что я сам не могу отпустить себя! Серое небо совсем рядом, но туда дорога закрыта, потому что не сделано нечто важное – настолько, что я готов притвориться живым, как бы нелепо это ни звучало…

Я ощутил холод. Кажется, кто-то – наверно, все тот же гражданин Посье, нескладный рябой парень в косо сидящей шинели, – принес воду, много – целое ведро, и сейчас этот, с небритым подбородком, пытается что-то сделать с моим лицом. Они что, решили меня умыть? Я чуть не рассмеялся, но затем сообразил. Кровь! Ведь я весь в крови – лицо, рубашка, камзол, плащ. Я истек кровью – и незачем отмывать ее. Впрочем, сейчас все выяснится…

– Что с ним?

Голос лейтенанта – резкий, нетерпеливый. Гражданин Леруа почему-то медлит с ответом. Экий бестолковый! А может, мне попросить этих, в синем, сделать то, из-за чего я не могу успокоиться? Конечно, они враги. Внутренняя армия – шайка озверевших от крови санкюлотов,[3] убийцы и грабители. Я воевал с ними, пока был жив. Но я мертв, у мертвых не бывает врагов! Я попрошу, и они сделают. Но для этого надо вспомнить, что именно мною не исполнено. Я должен приехать… Нет, я должен найти… Но ничего не вспоминалось, а тот, кто подсказывал мне откуда-то с края света, замолчал.

– Странно, не могу найти рану… По-моему, он не ранен, гражданин лейтенант!

– То есть как? А кровь?

Я чуть не фыркнул от возмущения, слушая этот вздор, но решил пока не вмешиваться. Разница между живым и мертвым слишком очевидна, ее заметит даже гражданин Леруа, пусть он и трижды шарлатан. Жаль, я ничего не могу вспомнить! Сейчас они уйдут…

– Наверно, контузия, гражданин лейтенант. Это, похоже, не его кровь…

Меня вновь приподняли, осторожно сняли плащ, чьи-то пальцы расстегнули рубашку…

– Да… – лейтенант изумленно покачал головой. – Странно… Гражданин Шалье!

Стало ясно – от меня не отстанут. Я кажусь им живым. Но, может, воспользоваться этим?

– Я не ранен… гражданин лейтенант…

---

[2] Национальный агент – специальный уполномоченный Революционного правительства.

[3] Санкюлоты – не носящие кюлотов (штанов), голодранцы – революционеры из предместий, рабочие, а чаще – люмпены.

Слово «гражданин» далось с немалым трудом, но дальше пошло легче. Даже голос окреп, и я вдруг понял, что могу двигать руками, могу приподняться…

– Я не ранен. Меня контузило…

– Ясно! – Лейтенант резко встал. – Носилки! Живо!

– Погодите!

Я попытался подняться, меня тут же подхватили и помогли присесть. Небо исчезло. Я увидел поле, голые черные деревья и дорогу – узкую, неровную, ведущую куда-то за дальний лес.

– Число… Какое сегодня число?

– Первое фримера,[4] гражданин Шалье. Первое фримера Второго года…

Я даже не удивился, хотя прекрасно помнил, что месяцы в году называются иначе. Пусть будет фример. Пусть будет Второй год. Не это сейчас важно…

– Где мы?

– В трех лье от Лиона, гражданин Шалье. Мы получили приказ вернуться в Париж…

Лион…[5] Слово упало в пустоту. Мне ничего не говорило это название. Хотя нет, что-то вспомнилось, и это «что-то» было слишком очевидным. Я умер в Лионе. Бротто! Конечно! Моя смерть называлась именно так! Бротто! Но что это? Имя? Кличка?

– Если вам нужно в Лион, гражданин Шалье, мы…

– Нет.

В Лионе мне делать нечего. Незачем вновь глядеть в глаза собственной смерти. Но мне не нужен и Париж. Мне нужен… Мне нужен…

«Синий циферблат»!

Странное название на миг удивило, но затем я понял. Тот, кто подсказывает мне откуда-то с края земли, наконец сжалился. «Синий циферблат»! Я должен добраться туда! Добраться как можно скорее, иначе будет поздно! Я и так потратил слишком много времени, пока лежал здесь, возле голого черного поля, рядом с такими же мертвецами, как я сам…

– Хорошо!

Я отстранил руку сержанта, попытавшегося поддержать мой локоть, и медленно встал. Теперь я уже мог видеть все – поле, лес, красные черепичные крыши деревни на горизонте и толпу небритых парней в плохо сшитых синих шинелях. Рота Лепелетье – те, кого мы не брали в плен. Каратели из Внутренней армии, месяц назад переброшенные из Бретани. Там они входили в состав Третьей Адской колонны генерала Россиньоля… Да, тот, кем я был раньше, помнил все это – и многое другое. Но теперь это не имело значения. Эти голодранцы, не умеющие даже правильно подогнать шинели, неспособные отличить мертвеца от живого, отвезут меня в Париж. Теперь я был уверен: «Синий циферблат» – что бы ни означали эти странные слова – находится именно там. Я постараюсь успеть. Я должен успеть: живой ли, мертвый – не имело теперь никакого значения.

Небо вновь стало далеким и тусклым. Тяжелые тучи закрывали солнце. Так и должно быть – ведь сейчас уже фример. Фример – последний осенний месяц Второго года Республики. Французской Республики, Единой и Неделимой, основанной на вечных и священных принципах Свободы, Равенства и Братства. Свободы – от Бога и совести, Равенства – перед ножом гильотины и Братства – в безымянных братских могилах, присыпанных негашеной известью… Пока я был жив, я делал все, чтобы уничтожить Чудовище. Жаль, не хватило жизни. Жаль, что даже сейчас, мертвому, мне приходится быть среди врагов. Рота Лепелетье – именная, отбор-

---

[4] Первое фримера. – В октябре 1793 года во Франции был введен новый, «революционный» календарь. Первое фримера – 21 ноября. Второй год Республики – сентябрь 1793 – сентябрь 1794 гг.

[5] В июне 1793 года в Лионе началось антиякобинское восстание, поддержанное отрядами роялистов («белых»). Восстание было подавлено в конце октября, после чего Конвент принял решение об уничтожении города Лиона. В ходе репрессий погибли тысячи людей.

ная, из последних подонков предместья Сен-Марсо. Теперь я помнил и это. Странно, но ненависть исчезла, словно оставшись где-то там, в ушедшей жизни. Теперь мне было все равно. Я мог откликаться на прежде ненавистное слово «гражданин», говорить с этими парнями в синих шинелях, даже улыбаться. Теперь это уже не имело значения…

Итак, я смотрел в тусклое, покрытое тяжелыми тучами небо и слушал, как скрипит несмазанными колесами телега. Мы ехали медленно, останавливаясь в каждой деревне, и мне то и дело хотелось поторопить лейтенанта Дюкло, чтобы он не медлил. Мне надо найти «Синий циферблат»! Он был где-то впереди, я чувствовал это! Чувствовал – но каждый раз заставлял себя сдерживаться. Да, я спешу, но торопить этих парней нельзя. Идти быстрее они не могут – обувь плоха, у большинства ноги разбиты в кровь, и любой нормальный командир остановился бы в ближайшей деревне минимум на неделю. Лейтенант Дюкло делает, что может. Мне даже начал нравиться этот нескладный парень, из которого в настоящей армии вышел бы неплохой сержант. К сожалению, сын мебельщика из Сен-Марсо выбрал другую дорогу. И очень жаль, что он слишком любит поговорить. В каждом селе лейтенант непременно выступает перед испуганной толпой крестьян, разъясняя им суровую мудрость Конвента, решившего сровнять с землей город Лион и основать на его месте Свободную Коммуну. И сейчас, в дороге, он, не имея слушателей, то и дело подходит к моей телеге, пытаясь завести беседу. Хорошо еще, гражданин Леруа каждый раз объясняет ему, что национальный агент Шалье нуждается в покое и отдыхе…

Гражданин Леруа не оставлял меня своей опекой. Я уже успел наслушаться о контузиях, черепно-мозговых травмах и всем прочем, имеющем, по мнению ротного эскулапа, ко мне самое прямое и непосредственное отношение. Спасало одно – лекарств в саквояже этого медицинского светила давно не водилось, а посему мне рекомендовался лишь полный покой, что меня вполне устраивало. Вначале я посчитал небритого лекаря полным олухом, но потом понял – гражданин Леруа не виноват. Со стороны я действительно похож на контуженого. Я решил не спорить – пусть все идет своим чередом…

– Гражданин Шалье, вы не спите?

Проще всего было ответить: «Сплю», а еще лучше – промолчать, но, похоже, нечистый решил дернуть меня за язык.

– Нет. Наверно, на всю жизнь выспался.

Это чистая правда. Спать совершенно не тянуло. Хотелось просто лежать, глядя в небо и ни о чем не думая. Но поговорить стоило, ведь лейтенант может что-нибудь знать о «Синем циферблате»…

– Я хотел у вас спросить. Мы тут с ребятами… то есть с гражданами, разговаривали…

Я уже давно приметил любопытную подробность. «Синие» называли друг друга исключительно на «ты», как и положено истинным голодранцам-санкюлотам. Мне же все, включая лейтенанта, говорили «вы». Похоже, тут не обошлось без той бумаги, что ныне, вновь сложенная вчетверо, лежит в кармане моего камзола.

Толстая желтоватая бумага с отогнутым краем. Большие неровные буквы. «Французская Республика, Единая и Неделимая… Комитет общественной безопасности… Именем Республики… Всем военным и гражданским властям… Предъявитель сего, гражданин Жан Франсуа Шалье…»

– Так они меня спрашивают… Только поймите меня правильно, гражданин Шалье…

В голосе лейтенанта слышалась неуверенность, и я его хорошо понимал. Ибо Жан Франсуа Шалье, национальный агент, посланный от имени Республики, Единой и Неделимой, с важным и секретным поручением и имеющий право пользоваться всеми видами транспорта, равно как изымать в свою пользу любые суммы из гражданских и военных казначейств, мог понять лейтенанта и неправильно, а в этом случае сына мебельщика не защитит и вся его рота. Порукой тому подписи, стоящие под последней строчкой удостоверения. Страшные подписи, спо-

собные лишить дара речи даже лейтенанта из Сен-Марсо: Робеспьер… Вадье… Шовелен… Амару… Бийо-Варенн…

– Разговоры у нас идут, гражданин Шалье… Давно идут, еще с лета. Будто в самом Конвенте… Ну плохо, в общем…

– Плохо? – Я чуть не рассмеялся. С чего это в сатанинском логове будет хорошо?

– Будто измена там. И не просто в Конвенте. Говорят, в каком-то из комитетов…

Я даже привстал от неожиданности. Плохи, похоже, дела у Единой и Неделимой, если о таком болтают лейтенанты!

– Ведь что получается, гражданин Шалье! Мы уже восьмой месяц воюем, сначала в Бретани, потом у Лиона. Считай, десятки деревень прошли, если не сотни. Хлеба-то везде – завались! Урожай в этом году – девать некуда! А в Париже хлеба нет. Вот отец пишет – очередь с вечера занимают, и то не каждому хватает. И разве это хлеб – серый, с отрубями…

Я чуть было не ляпнул, что гражданам санкюлотам отруби в самый раз, но вовремя прикусил язык. А действительно, почему?

– Париж – большой город, – начал я осторожно. – Крестьяне напуганы, не спешат везти хлеб. Кроме того, не все хотят продавать хлеб по «максимуму»…[6]

Лейтенант помотал головой:

– Я с крестьянами говорил… Многие хлеб в Париж везут, а он – как сквозь землю. Это первое… Потом осел этот…

– Осел?!

Мне показалось, что я ослышался, но Дюкло тут же повторил:

– Осел, гражданин Шалье. Когда мы из Нанта уходили, местный представитель – гражданин Каррье – праздник устроил. Ну процессия, песни – все как обычно. А потом смотрим – впереди осел идет. Гражданин Каррье приказал на осла епископскую митру надеть, а к хвосту Библию привязать…

Я прикрыл веки, чтобы этот парень не заметил мой взгляд. Жаль, что я мертвый…

– Там же все верующие, гражданин Шалье! Как же так можно? Потом гражданин Каррье приказал на площади иконы сжигать и книги священные. В Нанте церкви все закрыли… Вы бы видели, как женщины плакали!

– А мужчины уходили в отряды Шаретта и Рошжаклена,[7] – не сдержался я и понял, что когда-то уже слыхал об этом. И об осле, и о закрытых церквах, и об арестах священников…

– Мы хотели в Париж написать, в Конвент. Ведь это провокация, хуже не придумаешь! А потом пришел «Монитор» из Парижа… Так там такое же гражданин Шометт[8] устроил. И совсем недавно – в Лионе. Я даже к гражданину представителю Фуше[9] ходил, а он мне сказал, что это борьба с фанатизмом. Какая же это борьба?!

Я с интересом покосился на лейтенанта. А парень неглуп!

– Гражданин Фуше приказал все часовни и церкви при кладбищах закрыть. А потом собрать Библии, требники – книги, в общем, – и на могиле Шалье[10] сжечь…

Наши глаза встретились, и рот лейтенанта удивленно открылся. Я поспешил усмехнуться:

– Не родственник. Однофамилец.

Гражданин Дюкло, тут же успокоенный, кивнул, но я знал, что солгал этому парню. Точнее, сказал лишь часть правды. Я, конечно, не имел никакого отношения к безумному Шалье,

---

[6] В 1793 году Революционное правительство установило «максимум» – максимальные цены на основные продукты питания.

[7] Шаретт и Рошжаклен – вожди шуанов, вандейских повстанцев.

[8] Шометт – прокурор Парижской Коммуны, якобинец, из студентов-недоучек.

[9] Фуше – якобинец, палач Лиона. В дальнейшем – министр Наполеона Бонапарта.

[10] Шалье – Мари Шалье, вождь лионских якобинцев. Казнен благодарными земляками. Вместе с Маратом и Лепелетье считался «мучеником Революции».

вождю лионских якобинцев, которому отрубили голову двенадцатью ударами тупого топора. Но тот Шалье, чей документ спрятан у меня в кармане, был его двоюродным братом. Подумалось и о другом: такое «родство» может пригодиться…

Тут лейтенанта отвлекли – что-то случилось с одной из повозок, – и я был избавлен от необходимости отвечать на его скользкие вопросы. Хотя для себя я уже давно дал ответ. Конечно, никакой измены в Конвенте нет. Если не считать того, что все эти «граждане представители» – цареубийцы и преступники, чье место – рядом с гражданином Шалье Лионским, которого добрые горожане отправили на плаху. И чем больше Единая и Неделимая будет совершать подобное, тем лучше. Глаза откроются. Они уже открываются…

Эти дни, проведенные в повозке на старом колючем сене, позволили привыкнуть к нелепому ощущению – мертвеца среди живых. Я уже знал, что со стороны кажусь вполне обычным человеком. Я сменил залитую кровью рубашку и попытался очистить плащ и камзол. Те, кто нашел меня, после некоторого раздумья пришли к выводу, что я был контужен в бою у дороги, где какой-то «синий» отряд столкнулся с бойцами армии Святого Сердца. Меня попытались вынести из боя, но те, кто меня нес, были убиты – или ранены, – и кровь их залила меня с ног до головы. Такая версия всех устроила, и я, конечно, не спорил, хотя знал, что эта кровь – моя. Носить покрытый засохшей кровью камзол было неприятно, но я не спешил расставаться с ним. Камзол был частью меня – прежнего, настоящего, того, кем я был. А тот, кем я был прежде, похоже, отличался предусмотрительностью.

Это я понял в первый же день, когда постарался незаметно осмотреть свою одежду. Итак, во внутреннем кармане лежало сложенное вчетверо удостоверение национального агента, в боковом – толстая пачка ассигнатов, которая столь удивила сержанта, решившего обшарить покойника. Деньги – более восьмисот ливров – оказались настоящие, хотя цена этим бумажкам была невысока. Но под подкладкой камзола я нащупал нечто более интересное – тяжелые кружочки, размером (память не подвела и на этот раз) как раз с гинею, которую чеканил двор Его Величества Георга Английского. Двадцать гиней и еще одна монета, какая-то странная. Не удержавшись, я попросил нож и аккуратно достал монету из тайника.

…Три ливра – новенькие, сверкающие хорошим серебром. На одной стороне – крылатый Гений со стилосом, пишущий на большой грифельной доске, возле которой пристроился маленький галльский петух. Нелепая надпись «Царство Разума», и год – не Второй, а истинный – 1793-й. На другой – номинал, непонятная буква «А» и, конечно же, надпись «Французская Республика». В общем, обычная монета, на которую можно прожить целый день, а то и два (благо не ассигнат, а настоящее серебро), если бы не одна странность. Край был испорчен – слева от крылатого Гения чьи-то руки аккуратно вырезали небольшой треугольник. Конечно, деньги обрезают, особенно высокопробные, но здесь дело было в чем-то другом. Я спрятал монету и решил пока ее никому не показывать.

Итак, тот, кем я был раньше, предусмотрел если не все, то многое. За эти дни мне уже не раз приходилось задумываться над непростым вопросом – кем я был? Вначале думалось, что невозможность вспомнить собственное имя будет не давать покоя, даже сводить с ума. Но вышло иначе. Я почему-то совсем не волновался. Просто ко многим загадкам прибавилась еще и эта. Впрочем, кое-что я понял сразу. Тот, кого нашли возле вспаханного поля, воевал за Родину и Короля, защищая Лион от орд Кутона и Колло д'Эрбуа. Но смерть встретила его не там, он погиб в самом Лионе, и имя его смерти – Бротто. Я чуть было не спросил у лейтенанта Дюкло, что означает это странное имя, но что-то удержало. Лишь потом я понял, в чем дело. Мне – нынешнему – незачем знать, кем был я раньше. Жизнь прожита, и мне осталось одно – добраться до Парижа и найти «Синий циферблат». А дальше все устроится само собой, ведь мне, мертвому, абсолютно нечего опасаться. Если я и волновался, то не за себя, а за то, что оставил в «Синем циферблате». Но и об этом я старался пока не думать. Успею – Париж совсем близко.

В ближайшей деревне, где отряд намеревался остановиться на ночлег, нас ждал сюрприз. Деревня оказалась битком набита солдатами, но не из Внутренней армии, а почему-то из Западной. Вскоре все разъяснилось. Один из отрядов армии Святого Сердца, прорывавшийся из Лиона на север, столкнулся с батальоном Внутренней армии и был вынужден свернуть прямо на парижскую дорогу. Неудивительно, что в Париже началась паника, и две сотни драгун, которые ждали отправки куда-то на границу с Бельгией, были брошены в сторону Лиона. Здесь, возле этой деревни, и произошла встреча. Кто-то из беглецов сумел уйти, но большая часть – около полусотни – была изрублена возле самой околицы. И теперь победители весело праздновали успех. На деревенской площади местные «патриоты» накрыли столы, Дерево Свободы – неказистый тополек с высохшей кроной – было украшено трехцветными лентами, а хор, состоявший все из тех же «патриотов», пел «Марсельезу» и «*!*З*!*а ira» до полной хрипоты.

Рота лейтенанта Дюкло, пришедшая к шапочному разбору, была встречена тем не менее весьма приветливо, и на площади принялись устанавливать новые столы. Не желая участвовать в подобном сонмище, я сослался на строгие рекомендации гражданина Леруа и пристроился в сторонке – в совершенно пустом деревенском кабачке, завсегдатаи которого присоединились к толпе «патриотов». Хозяйка – дама чудовищной толщины, с тройным подбородком – была рада закормить своего единственного клиента до смерти, но обедать я не стал и внезапно понял, что очень хочу курить. То, что я прежний не брезговал табаком, стало ясно почти сразу, как только я обследовал карманы камзола. Странно, но трубки я не нашел ни там, ни в карманах плаща, более того, крошки табака показались какими-то необычными. Не трубочный табак – но и не нюхательный. И я ощутил суетное любопытство. И сейчас, пользуясь удобным моментом, я попросил у хозяйки табаку.

Как я и думал, она выложила на стойку несколько пачек трубочного – очень неплохого, виргинского, но я покачал головой и попросил чего-нибудь другого. Почтенная дама пожала необъятными плечами и заметила, что если у «гражданина» куры денег не клюют…

На стойке оказалась деревянная коробка, обклеенная золотистой бумагой. Я чуть не хлопнул себя по лбу. Конечно! Именно это мне и нужно. «Папелито»,[11] а попросту говоря, папелитки – маленькие, на дюжину затяжек каждая. Испанский табак, но не темный, а легкий, ароматный, не чета грубому трубочному.

На радостях я купил всю коробку и с удовольствием сделал первую затяжку. Выходит, такому, как я, все-таки кое-что может доставить удовольствие. Похоже, привычки не умирают вместе с человеком. Мне даже показалось, что табачный дым напоминает мне о чем-то давнем. Я пристрастился к папелиткам не здесь, во Франции, но и не в Испании. Там, где я впервые закурил, было полно трубочного табака, самого лучшего, виргинского, но я стал курить именно папелитки. Кажется, я даже спорил на эту тему с моим другом… Нет, с моим бывшим другом, с которым мы потом почему-то поссорились. Я говорил ему, что здесь, в Виргинии, курят даже барышни, а он усмехался и пытался доказывать дикую нелепицу, будто курение вредно для здоровья. Эту чушь ему поведал некий докторишка из Бреста, где мой друг когда-то командовал полком. Да, он усмехался и уверял меня… «Через пять лет вы пожелтеете, как китаец, Франсуа! И не жалко вам легких!..»

Я вспомнил! Франсуа. Мое имя! Не Жан Франсуа, как написано в сложенной вчетверо бумаге, а просто Франсуа! Нет, не просто! За Франсуа должен был следовать долгий шлейф имен – второе, третье, четвертое, даже, кажется, пятое. Как у моего друга, которого звали Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер дю Матье де Ла Файет. Маркиз де Ла Файет, с которым мы вместе пили дрянное виски в штате Виргиния, недалеко от деревни Маунт-Вернон…

Да, я вспомнил. Мой бывший друг Мари Жильбер де Ла Файет четыре года назад предал Родину и Короля, перейдя на сторону мятежников и убийц. Наверно, я ненавидел его, но

[11] Папелито – нечто среднее между сигарой и папиросой.

теперь ненависть ушла, и я горько пожалел, что его сейчас нет рядом. Он бы помог – ведь там, в Америке, мы помогали друг другу во всем. Под Йорктауном, где мы обложили лорда Корнуэллиса, Мари Жильбер командовал дивизией, а я…

Но тут источник памяти, столь щедро напоивший меня в этот вечер, иссяк. Наверно, это к лучшему, поскольку и того, что я вспомнил, было более чем достаточно. Меня звали Франсуа. Франсуа… Именно так должен был позвать меня Всевышний после того, как я встретился со смертью по имени Бротто. Но меня не позвали. Тот, кто носил когда-то имя Франсуа, не сделал того, что должен, в чем поклялся…

Да, поклялся! Даже странно, что я понял это только сейчас. Там, в оставшейся позади жизни, я в чем-то поклялся, и эта клятва не исполнена до сих пор. Но я не могу ее нарушить, хотя и не помню, какой я дал обет. Ясно одно – это как-то связано с «Синим циферблатом». Клятва не отпускает меня, она сильнее смерти, важнее вечного блаженства…

Я попытался успокоиться. Может, это все было именно так. А может, это всего лишь догадка, такая же смутная, как тени, что обступили меня, загораживая близкое – такое близкое! – небо.

На площади, куда я все-таки завернул, произошли немалые перемены. Столы исчезли, толпа потеснилась в стороны, а в центре, неподалеку от Дерева Свободы, собралась небольшая группа людей, весьма несходных друг с другом.

В центре стоял толстяк в распахнутой офицерской шинели – командир эскадрона. Рядом с ним терся блеклого вида худощавый субъект в черном английском пальто и криво сидевшей шляпе. А за ними трое здоровяков с палашами наголо охраняли двоих – связанных, с черными повязками на глазах. Подсказки не требовалось. Я уже успел услыхать, что в скоротечном бою удалось взять двоих пленных. Очевидно, славные драгуны Западной армии решили завершить праздник достойно, по-якобински.

Поискав глазами, я нашел лейтенанта Дюкло, стоявшего в первом ряду, и поспешил отойти подальше. Того и гляди, этот сын мебельщика не вовремя вспомнит, что я национальный агент, и предложит стать поближе. И тут я впервые по-настоящему пожалел, что мертв. Будь я жив, будь я не один, будь у меня хотя бы пистолет! Но пистолет, конечно, не поможет. Мне скрутят за спиной руки и поставят рядом с этими двумя. Конечно, убить меня не смогут, но смерть, которая сейчас навестит эту площадь, – не моя смерть. Ее не зовут Бротто…

Худощавый субъект махнул рукой. Постепенно толпа стихла, и тип в английском пальто, достав из-за пазухи внушительного вида бумагу, принялся что-то выкрикивать. Я не стал вслушиваться. Все и так ясно: Республика Единая и Неделимая… Враги нации, схваченные с оружием в руках… Впрочем, что-то в этой страшной сцене было не так. Да, я видел такое – совсем недавно, когда был еще жив, но видел не совсем то или не совсем так. Обычно эти разбойники используют гильотину. Ее даже таскают с собой – «бритва», как я помнил, полагается каждому полку, а то и батальону. Но сейчас ее не оказалась, и на этих пленных ребят придется тратить свинец… Да, гильотины не было, но мне показалось, что я видел и такое – но как-то иначе. Сейчас этот мерзавец дочитает свою бумагу, кивнет толстяку в шинели…

Толстяк что-то приказал – впрочем, что именно, я понял, хотя и не слышал слов. Конвоиры отошли в сторону, и шеренга солдат с мушкетами шагнула вперед. Да, что-то в этой сцене было не так. Конечно! Драгунам мушкеты не полагаются, и те, что сейчас будут стрелять, вовсе не драгуны, а знакомые ребята из роты Лепелетье. Похоже, победители решили сделать небольшой подарок лейтенанту Дюкло. Они разбили врага, но честь расстрелять безоружных предоставлена их братьям-патриотам из Внутренней армии. А может, этот толстяк-капитан и его люди просто не хотят пачкать руки. В конце концов, они солдаты, а не каратели…

Те двое стояли неподвижно, и на груди у одного я разглядел небольшое пятнышко, похожее на кровь. Но это не кровь. Даже издалека я догадался – вырезанное из красного шелка изоб-

ражение сердца с королевским вензелем в центре. Когда-то и я носил такое. Святое Сердце, знак армии, оборонявшей Лион…

Я затаил дыхание. Да, все так и было! На моей груди – знак Святого Сердца, я стою перед шеренгой солдат, правда, глаза мои не завязаны, и я вижу красные от водки лица с безумными вытаращенными глазами. Офицер в синей шинели командует: «Огонь!»…

Тот, что стоял слева, внезапно поднял голову. Его крик: «Да здравствует Король!» слился с воплем толстяка. В уши ударил грохот…

Я закрыл глаза. Нет, мне нельзя видеть такое. Я вновь пережил свою смерть, только прежде видел ее совсем по-другому. Не со стороны, не из безопасного далека, а лицом к лицу, и вспышки выстрелов ослепили меня, бросив на землю. Да, так я встретил смерть. Смерть по имени Бротто…

– Гражданин Шалье! Гражданин Шалье!

Я открыл глаза и понял, что лежу на знакомой повозке, укрытый двумя синими шинелями, а рядом со мной – кому же еще быть? – лейтенант Дюкло.

– Вы слышите меня? Гражданин Шалье!

– Слышу…

Я приподнялся и обнаружил, что уже утро и мы вновь не торопясь двигаемся по дороге. Оставалось поинтересоваться, что со мной приключилось, но лейтенант поспешил внести ясность:

– Вы всю ночь без сознания пролежали. И весь вечер. Мы уже не знали, что делать…

Весь вечер? Значит, меня не было на площади? Я пошарил рукой и нащупал знакомую деревянную коробку. По крайней мере, испанские папелитки мне не привиделись…

– А что было вчера?

– Праздник, – Дюкло пожал плечами. – Погуляли с гражданами драгунами! Жаль, вас не было, гражданин Шалье!

Вчера был праздник… Значит, расстрел мне привиделся? Или для этого санкюлота праздника без казни не бывает?

– Они… Драгуны разбили… какой-то отряд, – неуверенно начал я, и лейтенант согласно закивал:

– Да! Этих – из Святого Сердца. Но они уже не опасны! С тех пор, как мы Руаньяка «побрили»…

Фамилия внезапно показалась знакомой. Или это тот, кто подсказывает мне, поспешил внести ясность?

– Маркиз де Руаньяк, генерал-майор армии Его Величества, был гильотинирован в Лионе…

– Точно! – Дюкло рассмеялся. – Жаль, что увидеть не пришлось! Мы как раз его шайку добивали! «Побрили» маркиза! Теперь его армии конец! Говорят, гордый был – страх! На эшафоте чуть ли не целую речь произнес! Ну ничего, теперь пусть сколько хочет болтает со святым Петром!

– Нет… – Я помолчал и вдруг понял, что знаю об этом. – Маркиз де Руаньяк ничего не говорил на эшафоте. На нем был белый солдатский мундир и знак Святого Сердца. Говорил его друг, виконт Пелисье…

Слова замерли на языке. Почему-то вдруг стало страшно, хотя я ничего не помнил – ни эшафота, ни красного знака на белом мундире. Тот, оставшийся вдалеке, в очередной раз подсказал мне, но от этой подсказки стало не по себе. Наверно, я знал маркиза. Или по крайней мере видел его – на мне ведь тоже когда-то был знак Святого Сердца…

– А-а-а! – охотно подхватил Дюкло. – Вы, наверно, гражданин Шалье, тогда в Лионе были! Вам ведь по должности положено!

Я не очень помнил, что положено по должности национальному агенту, но на всякий случай кивнул.

– Хотел бы я посмотреть, как этого белоручку «брили»! – Лейтенант вздохнул. – Мы же с ним два месяца воевали! Ни дня покоя! Пресси[12] – тот в городе отсиживался, а Руаньяк – то здесь, то там! Все в спину ударить норовил! Сколько раз за ним гонялись, а он – словно привидение! Ночью здесь, а наутро – в двадцати лье! Наши уже шутить начали, что он не человек, а призрак. Его так и звали – Оборотень!

Я постарался усмехнуться. Это, похоже, задело гражданина Дюкло, и он обиженно хмыкнул:

– А как еще сказать? Я ведь сам видел! Прижали мы его однажды к самой Луаре. У Понт-де-Веля это было, в начале октября…

Похоже, в горячке спора гражданин Дюкло внезапно вспомнил, как правильно называть месяцы.

– Два дня с ним возились, а он таки прорвался, мерзавец! Мы в Лион вернулись… Ну не в Лион, там еще «белые» были, а к Тарантану, это в двух лье… Так в ту самую ночь, когда мы под Понт-де-Велем дрались, Руаньяк лично наших под Лионом атаковал! Его все узнали – он без шляпы был… Оборотень! Говорят, один патриот его выследил и святым крестом припечатал, а то бы ушел…

Я мысленно пожалел, что, пока был жив, не добрался до этого, столь догадливого «патриота». Впрочем, заинтересовало другое.

– Гражданин Дюкло, честно говоря, странно слышать! Оборотни, привидения, святой крест…

– Оборотень! – упрямо повторил лейтенант. – Это уж точно!

И вдруг мне стало не по себе. Этот молодой парень с кашей в бестолковой башке не так и ошибается. Я не встречал оборотней, но знал, что по земле бродит неупокоенный мертвец. Мертвец, которому почему-то очень надо найти какой-то «Синий циферблат»…

– Я и не скрываю, что верующий, – продолжал Дюкло, немного сбавив тон. – Да разве я один? В каждой деревне все верят, и даже в нашей роте, считай, половина! А как же иначе? Вот гражданин Робеспьер правильно говорит: атеизм дворяне придумали, чтобы распутству предаваться и народ обманывать!

Робеспьер… Четкая, ясная подпись на сложенном вчетверо документе… Я понял, что когда-то ненавидел этого человека. Но не просто ненавидел. Почему-то он меня очень интересовал. Нет, не так! Тому, кем я был раньше, этот якобинец был нужен, даже очень нужен!

– Если священник присягу принял, то пусть служит. – Похоже, эта тема явно волновала лейтенанта. – Все зло от тех попов, что присягать не хотят. Недаром гражданин Робеспьер говорит, что надо принять закон о свободе совести…

И тут я понял, почему интересовался тем, кто первый расписался на моем документе. Робеспьер – самый умный и самый опасный из всей шайки, захватившей власть во Франции. Этот осла с митрой между ушами по улице водить не будет! Он прекрасно понимает, как дорог Бог простым людям – и вандейским крестьянам, и лионским мастеровым, и даже лейтенанту Дюкло из Сен-Марсо…

– Ну вот, – подытожил мой собеседник, – ежели выходит, что Бог есть, значит, и Дьявол имеется. И такие, как Руаньяк, с Дьяволом спутались, потому что иначе им Республику не победить. Ну да теперь уже все в порядке! Тому патриоту, что маркиза этого на эшафот притащил, надо памятник из золота ставить!

Развивать эту тему дальше я не стал, а лейтенанта отвлек кто-то из его орлов, в очередной раз обнаруживший, что колесо у одной из телег вот-вот слетит. Жалко лишь, что не уда-

[12] Пресси – полковник, один из руководителей обороны Лиона.

лось повернуть этот странный разговор в столь нужном мне направлении – к «Синему циферблату»…

Ближе к вечеру рота внезапно остановилась. Где-то впереди послышались громкие голоса, крики, и тут грянул выстрел. Я даже не открыл глаза, привычно отметив, что стреляли не из пистолета, но и не из мушкета, а из чего-то другого, не иначе охотничьего ружья. Крик повторился, затем голоса, пошумев, постепенно стихли. И тут все-таки глаза пришлось открыть. Подоспевший сержант передал мне просьбу гражданина Дюкло – лейтенант просил подойти в голову колонны.

Вначале я ничего не понял. Колонна уперлась в небольшой мостик, который оказался перегорожен двумя опрокинутыми телегами. За телегами толпились странного вида личности, которых я вначале принял за разбойников. Причем не нынешних, а за тех, что описываются в детских книжках. Бородатые, в чем-то напоминающем черные трико, в жутких красных колпаках, которые обычно носят каторжники. Солдаты роты Лепелетье по сравнению с ними смотрелись истинными гвардейцами.

Дюкло был тут же, наскоро объяснив ситуацию. Оказывается, я не очень ошибся. Перед нами были все-таки разбойники, правда не книжные, а самые обыкновенные – отряд из предместья Сент-Антуан в полной санкюлотской амуниции. Приглядевшись, я понял, что уже видел подобные чучела. Трико назывались «карманьолой», а красный каторжный колпак – «колпаком Свободы». Перегороженная же телегами дорога объяснялась совсем просто. Два дня назад в одной из газет (лейтенант Дюкло тут же уточнил – в «Отце Дюшене», издававшемся гражданином Эбером[13]) кто-то, чуть ли не сам гражданин Эбер, тиснул статью о том, что отряд роялистов из армии Святого Сердца переоделся в «синюю» форму и идет прямо на Париж. Прочитав сие откровение, в Сент-Антуане ударили в набат, поспешив послать несколько отрядов в красных колпаках наперехват. Попытки объясниться с красными колпаками оказались на редкость неудачны. В том же номере газеты было напечатано, что рота Лепелетье – краса и гордость санкюлотов из Сен-Марсо – возвращается в Нант, дабы добить проклятых шуанов. Посему вождь красных колпаков решил проявить бдительность, и дело дошло, как я и слышал, до пальбы – правда, покуда в воздух.

История меня позабавила, и я мысленно поздравил гражданина Эбера. Хорошая вышла статья! Жаль, что все рано или поздно разъяснится. Для разъяснения меня и пригласили – лейтенант вовремя вспомнил о бумаге со страшными подписями.

Менее всего хотелось вмешиваться, но стало ясно – деваться некуда. Тем более гражданин Дюкло уже успел оповестить вождя красных колпаков, что с ротой следует «сам» национальный агент Шалье. Я вздохнул и достал из внутреннего кармана бумагу.

Меня подвели к Главному Колпаку: краснорожему верзиле, по виду – типичному мяснику. Вождь смерил меня крайне подозрительным взглядом, скривился и с явным недоверием уткнулся в документ. Шли секунды, и я не без злорадства подумал, что грамотностью Главный Колпак не отличается. Наконец красная рожа вновь скривилась.

– Не так составлено…

Этого я не ожидал, как, впрочем, и гражданин Дюкло. Он попытался было возмутиться, но краснорожий вождь покачал головой:

– Не так, говорю! Ежели гражданин Шалье от Комитета безопасности послан, то первым должен гражданин Вадье расписаться, потому как он председатель, а не гражданин Робеспьер.

Я не испугался – пугаться мне нечего. Напротив, такая бдительность позабавила, тем более я понял – Красный Колпак прав. Документ составлен не совсем по форме. Но в то же время тот, кем я был прежде, твердо знал – бумага настоящая. А подпись гражданина Робеспьера оказалась первой по какой-то важной причине.

---

[13] Эбер – журналист, якобинец, крайний «левак», руководитель Клуба кордельеров.

– Вот чего, – рассудил вождь. – Я сам с гражданином национальным агентом поговорю. Наедине.

И вновь лейтенант пытался возразить, но я тут же согласился. Мне все равно – почему бы и не поговорить с мясником из Сент-Антуана?

Синие шинели и красные колпаки отошли на несколько шагов. Мы остались вдвоем. Вождь оглянулся и неожиданно подмигнул:

– Так что, отряд в твоем распоряжении, гражданин Шалье. Какие приказания будут?

Похоже, я все-таки растерялся, но вовремя вспомнил, что молчание – золото.

– Ищут тебя, гражданин Шалье. Мне гражданин Шометт так и передал: встретишь, мол, гражданина национального агента – в его распоряжение переходишь. Так сам гражданин Робеспьер приказал.

– А переодетые роялисты? – не удержался я.

Красная рожа расплылась в усмешке:

– Ну то гражданину Эберу виднее! А тебе, гражданин Шалье, в Париж возвращаться надо. Ищут тебя. Волнуются сильно.

Наконец все стало ясно. Тот, чье удостоверение оказалось у меня в кармане, – важная персона. Настолько важная, что кое у кого не хватило терпения дождаться его возвращения…

– Ежели надо, мы с тобой в Париж вернемся, – заключил Главный Колпак. – А нет – дальше пойдем. Тут неподалеку целое кубло «белых» – добрые патриоты рассказали. Мы уже одного попа взяли, как раз неподалеку…

Мяснику явно не хотелось возвращаться в Париж. Его ждала охота – и куда более интересная, чем травля зайцев. Конечно, можно было вернуть этих каторжников в Париж, но тогда придется возвращаться вместе…

– Можете идти дальше, – решил я. – Попа передадите лейтенанту Дюкло…

– Ага! – Красная рожа понимающе кивнула. – Только вы его – попа этого – прежде чем «брить», поспрошайте. Он не из простых, чего-то явно знает. Будет упираться – двиньте пару раз…

Дальше слушать я не стал и повернулся, чтобы подозвать гражданина Дюкло.

Окончание этой истории можно было не смотреть. Я вернулся к повозке, решив на привале поговорить с лейтенантом о пленном священнике. В конце концов, этот сын мебельщика – верующий…

Все оказалось даже проще, чем я думал. Как только солдаты начали раскладывать костры – на этот раз рота заночевала прямо в поле, – Дюкло отозвал меня в сторону.

– Не знаю, чего и делать, гражданин Шалье. Священник этот…

– А что священник? – самым равнодушным тоном поинтересовался я.

– Странный он какой-то… Вы бы с ним сами поговорили.

Признаться, этого я не хотел. Не знаю почему, но разговаривать с несчастным не тянуло. Однако отказываться было нельзя.

– Хорошо. Так, говорите, странный?..

Священник сидел у костра, обхватив руками худые колени. Он и на священника был не очень похож. В мохнатой пастушеской куртке, деревянных башмаках, в странной войлочной шапке. Только волосы подстрижены не по-крестьянски. Наверно, на этом бедняга и попался. Красные колпаки – народ внимательный.

Я подошел поближе, не решаясь начать разговор. Почему-то меня охватила странная робость. Мне уже нечего бояться – тем более этого несчастного. Но что-то останавливало, не давало заговорить.

Сидящий у огня поднял голову, и наши глаза встретились. Не больше мгновения мы смотрели друг на друга – и вдруг случилось то, чего я никак не ожидал. Священник отшатнулся, вскочил, рука поднялась вверх.

– Изыди!

– Святой отец! – растерялся я. – Мне надо с вами…

– Изыди! – Большие темные глаза блеснули. – Изыди, откуда пришел, посланец ада!

Я облегченно вздохнул. Бояться нечего. Кем, кроме посланца ада, может быть для неприсягнувшего священника национальный агент Шалье?

– Святой отец, – повторил я, – мы должны разобраться. Может… Вероятно, вы арестованы незаконно…

– Я не верил… – священник медленно провел ладонью по лицу. – Прости мне неверие мое, Господи… Ты, мертвец, притворившийся живым, ты, посланец Сатаны, уйди! Vade retro!

Я похолодел. На миг темная фигура у костра исчезла, превратившись в неясный колышущийся силуэт. И вдруг мне почудилось, что это я стою у костра, на мне косматая пастушеская куртка, а передо мною в неясном свете огня – жуткая нелепая фигура, словно сошедшая с фрески Страшного суда. Вздутое посиневшее лицо, покрытое трупными пятнами, скрюченные руки с искривленными отросшими ногтями, лопнувшая на груди рубашка, покрытая почерневшей кровью. Ноздри ощутили омерзительный запах разложения. «Господи! Уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе…»[14]

Ничего не соображая, я зажмурил глаза и быстро перекрестился. Когда я вновь осмелился взглянуть, все вернулось на свои места. Костер, испуганный человек в пастушеской куртке…

– Ты не обманешь меня крестным знамением, нелюдь! – голос священника звучал хрипло и тихо. – Уйди прочь! Вернись к тому, кто прислал тебя…

Странно, я досадовал, что бравые ребята из роты Лепелетье никак не могут понять, кого они нашли возле лионской дороги. Но теперь, когда передо мною наконец был зрячий, меня объял ужас.

– Отче! – в отчаянии воскликнул я. – Я добрый католик! Я… я был добрым католиком! Я не виноват! Я сам не знаю, что происходит!

Священник упрямо потряс головой. Я рванул рубашку, чтобы показать крест, который, как я хорошо помнил, должен висеть на груди, – серебряный крестик с чернью на тонкой цепочке, – но пальцы поймали пустоту. Креста не было. И тут я сообразил, что его не было и прежде – с того момента, как меня окликнул лейтенант Дюкло. Этот крестик принадлежал тому, кем я был раньше…

– Святой отец! – Я с трудом перевел дыхание. – Кем бы я ни был, я хочу вам помочь. Я хочу помочь…

Но ответа я не дождался. Священник медленно опустился на колени и закрыл глаза. Я понял – он беседует с Тем, Кто не пустил меня на такое близкое небо…

– Что с вами? – озадаченно поинтересовался лейтенант Дюкло. – Вы, гражданин Шалье, извиняюсь, белый весь!

– Белый? – грустно усмехнулся я. – Не синий?

– Все мы «синие»! – рассмеялся лейтенант. – Мне этот поп так и сказал – мертвец ты, мол, лицо у тебя синее… Или черное, уже не помню. Я потому вас и позвал…

– Так он… И вам такое говорил?

– Ну да! – Гражданин Дюкло покачал головой. – Я представился, а он: мертвец ты, и рота твоя – мертвецы. Уйди, мол, в ад, откуда пришел…

Внезапно я почувствовал облегчение – невиданное, невероятное. Несчастный просто сошел с ума! Он ничего не понял! В его глазах я обычный «синий», которых его больной разум посчитал – всех, скопом – синерожими упырями.

– Наверно, те, из Сент-Антуана, с ним переусердствовали, – осторожно заметил я.

---

[14] Ин. 13,39.

– Они могут! – охотно согласился лейтенант. – Так чего с попом делать будем? Его в Биссетр[15] надо – там таких и держат!

– Если он действительно неприсягнувший, – напомнил я, – его отправят не в Биссетр, а на гильотину.

– Да всем им, неприсягнувшим, туда дорога, – неуверенно начал лейтенант. – Хотя жалко – он ведь больной, за себя не отвечает… Но я ведь не могу его отпустить!

Да, отпустить пленного гражданин Дюкло не имел права. Расстрелять – мог, а вот отпустить – нет. Лейтенант задумался, а потом махнул рукой:

– А, чего мы все о такой ерунде! Гражданин Шалье, бледный вы какой-то… Выпить бы вам!

– Лекарства? – начал было я, но по усмешке гражданина Дюкло понял, что речь идет не о лекарстве. Точнее, не о том, что мог бы прописать ротный лекарь гражданин Леруа.

Лекарство оказалось в огромной бутыли из темно-синего стекла. Сержант Посье, которому была доверена борьба с пробкой, возился подозрительно долго, но наконец одержал-таки победу над непокорным сургучом. Гражданин Дюкло нетерпеливо хмыкнул, подставил кружку и протянул мне:

– Вы первый, гражданин национальный агент! Пять ливров против одного, что не угадаете…

– Состав лекарства? – уточнил я, покосившись на гражданина Леруа, нетерпеливо поглядывавшего то на кружку, то на бутыль. Я решил никого не томить и поднес кружку ко рту.

– Осторожней! – запоздало предупредил доктор. – Это не вино, это…

– Овернский грапп! – Я выдохнул воздух и несколько секунд ждал, пока успокоится огонь, вспыхнувший у меня в желудке.

– Угадали, – разочарованно вздохнул лейтенант. – Видать, повидали вы свет, гражданин Шалье! Эх, пропали пять ливров!

Я только хмыкнул, сообразив, что действительно знаю, что это – овернский грапп, причем не самый лучший, поскольку настоящий грапп никогда не дерет так горло. Значит, этот скорее всего не из южной Оверни, а с севера, да и виноград не самого удачного урожая.

Тем временем кружка пошла по кругу, причем гражданин Леруа так и не решился выпить полную, заявив, будто медицина давно установила, что вина если и полезны для здоровья, то только в небольших дозах, а грапп – даже не вино, а просто издевательство над виноградом. Он же предпочитает помар, в крайнем случае кло-де-вужо, но исключительно из Бургундии. Тут уж не выдержал сержант Посье, с возмущением заявивший, что помар пусть пьют монашки в обители Святой Цецилии, а кло-де-вужо из Бургундии годится исключительно в качестве уксуса. Кло-де-вужо можно пить лишь то, что изготовлено на западе Шампани, а лучше и его не пить, а пить светлое воллене из той же Шампани. Если же употреблять что-нибудь из бургундских, то исключительно нюи, но не всякого урожая, а лучше всего 1779 и 1783 годов.

Этот выпад привел гражданина Леруа в изрядное волнение, и он решил прибегнуть к авторитету науки, сославшись на мнение какого-то Себастьяна Мерсье,[16] а уж Себастьян Мерсье лучше знает, какие вина во Франции стоит пить, а какие – нет…

Увидев, что дело дошло до Себастьяна Мерсье, лейтенант Дюкло подмигнул мне и заявил, что этот Мерсье – явный аристократ, а патриоты должны пить исключительно грапп, после чего предложил выпить по второй, причем по полной.

Вторая кружка граппа разом сняла все вопросы. Доктор, изрядно покраснев лицом, прикрыл глаза, вероятно, уйдя в размышления о науке, а лейтенант с гражданином Посье внезапно заговорили о театре. Похоже, это было продолжением давнего спора, начатого не сегодня и не

[15] Биссетр – тюрьма в Париже, где содержали душевнобольных преступников.

[16] Себастьян Мерсье – ученый, составил подробное описание Франции.

вчера. Предмет дискуссии поначалу меня удивил, но затем я понял: санкюлоты из Внутренней армии верны себе – сержант решительно заявил, что гражданин Шометт, прокурор Парижа, должен наконец озаботиться и закрыть большинство этих вертепов, а еще лучше – все. Актеров же, предварительно изъяв из их среды явных контрреволюционеров, должно направить на изготовление селитры и рытье братских могил на Блошином кладбище.

Такой максимализм не пришелся по душе лейтенанту. Он считал, что театр – надежное подспорье в деле патриотического воспитания всех добрых французов, а посему надлежит лишь запретить ненужные и вредные произведения слуг деспотизма – всяких там Корнелей, Расинов и прочих Мольеров (что, впрочем, гражданином Шометтом уже сделано), изъять из прочих пьес старорежимные обращения «сударь» и «господин», заменив понятными и близкими каждому патриоту словами «гражданин» и «товарищ» (что тоже сделано, хотя и не всюду), и следить, чтобы не ставились такие контрреволюционные пьесы, как «Друг законов». Впрочем, лейтенант был полностью согласен с необходимостью революционной чистки театров. По его мнению, следовало первым делом отправить под «бритву» весь бывший Королевский театр в полном составе, что, впрочем, тоже делается, ибо большая часть актеров-контрреволюционеров уже арестована.

Придя к частичному согласию, гражданин Дюкло и сержант предложили выпить за друга санкюлотов гражданина Шометта, а заодно и за гражданина Ру.[17] Я не стал спорить и походя поинтересовался, не знают ли уважаемые граждане улицу Синий Циферблат. Или площадь. Или переулок. Там, как я пояснил, находится какой-то театр, весьма патриотический по духу, который мне очень советовали посетить.

Патриоты глубоко задумались, а затем покачали головами. Увы, такой улицы, равно как площади или переулка, они не знали. Название же сочли хотя и не контрреволюционным, но весьма странным. Во всяком случае, ни в предместье Сен-Марсо, ни в Сент-Антуане, ни в центре Парижа подобного названия они не встречали. Сходить же мне лучше всего в театр имени Марата, где ставят такие патриотические пьесы, как «Проводы добровольцев в Северную армию» и «Дерево Свободы».

Третья кружка граппа, да еще без закуски – вещь серьезная. В гражданина Леруа ее пришлось попросту вливать, после чего ротный лекарь стал из красного пунцовым и медленно осел на расстеленный на земле плащ. Остальные остались сидеть, но речь их начала немного походить на наречие ирокезов. Я почти перестал вслушиваться, отвернулся, вдохнул холодный осенний воздух и вдруг понял, что совершенно трезв, словно пил не всесокрушающий огненный грапп, а упомянутое доктором кло-де-вужо.

Да, я был трезв, и страх, ненадолго отступивший куда-то в темноту, никуда не делся. Он вернулся и сейчас был вновь рядом. Только теперь я начинал понимать весь ужас случившегося.

Все эти дни, лежа на повозке, укрытый двумя шинелями, я как-то не задумывался о простой и очевидной вещи. Мертвые не возвращаются. А если возвращаются – то не по божьей воле. Странно, я даже ни разу не вспомнил о Творце! А ведь когда-то я был добрым католиком! И теперь этот священник…

Да, порою я веду себя почти так же, как любой нормальный человек. Но потерявший ногу тоже чувствует боль в несуществующем колене! Фантомная боль! Я – такой фантом, помнящий свои привычки и слабости, но не помнящий самого себя. Священник что-то увидел. И я увидел тоже – его глазами. А если так, то чья воля лишила меня покоя? Моя собственная? Или чья-то еще? Тогда кто Он? Во всяком случае, не Тот, в Кого я когда-то верил и Кому служил несчастный пленник…

---

[17] Ру – священник, вождь парижских рабочих. Арестован якобинцами, впоследствии покончил с собой в тюрьме.

Наутро, когда рота не торопясь собиралась в путь (похоже, в тот вечер дегустация граппа происходила не только возле нашего костра), гражданин Дюкло виновато доложил, что священник бежал. Точнее, попросту ушел, ибо он, лейтенант Дюкло, поставил часового слишком далеко, а тот задремал, поскольку овернский грапп, как известно, не чета всякому кло-де-вужо или тем более помару.

Мы взглянули друг другу в глаза, я молча кивнул, увидел ответную усмешку и вдруг вспомнил чьи-то слова, сказанные очень давно. Да, тогда был какой-то спор, и кто-то сказал… И я сказал, что мы выиграли эту войну еще 27 декабря 1790 года, когда был принят декрет о неприсягнувших священниках. Добрые французы могут отвернуться от Короля, но никогда не предадут своего кюре. Значит, остается ждать, пока ослы в митрах заставят задуматься даже таких, как лейтенант Дюкло. Вандея и Бретань – только начало. Ведь и Шалье Лионский, чью голову никак не мог отрубить тупой топор, тоже начал с разгрома церкви Святого Сульпиция…

Больше о священнике мы не говорили, тем более предстоял короткий, но важный переход. К полудню мы должны миновать Севр, а значит, к вечеру рота будет в Париже. В Париже, где мне нужно найти «Синий циферблат»…

Гражданин Дюкло принялся приводить своих бойцов в вид, достойный истинных патриотов, я же вернулся на свою повозку, решив не суетиться зря. Скоро я буду в Париже и смогу наконец все выяснить…

Нет, не смогу! Все не так просто! Все совсем не просто!

В сказках и легендах призраки могут возникать ниоткуда и так же незаметно исчезать. Но я – кем бы ни был – не призрак. Для всех я – обычный человек, пусть несколько странный, потерявший память, забывший, кто он. Даже не так! Я – солдат армии Святого Сердца с чужими документами, совершенно не знающий – не помнящий – великий город, куда мне предстоит попасть. Я наверняка бывал в Париже и не раз, может, даже жил там, но надеяться, что тот, кто иногда подсказывает мне, будет выручать и дальше, слишком наивно. Тот Париж, где я когда-то бывал, уже не существует. Есть санкюлотский Париж, сердце трижды проклятой Республики, город, убивший своего Короля, растерзавший Королеву…

И в этом городе мне не поможет чужой документ. Прежде всего, национального агента Шалье будут искать. Его уже ищут. Значит, мне следует исчезнуть. Но исчезнуть в Париже трудно. Из слов гражданина Дюкло я уже знал, что граждане якобинцы позаботились об этом. Город разделен на секции, каждая из которых отвечает за порядок на своей территории. Ни одна гостиница, ни один домовладелец не примет постояльца без гражданского свидетельства, выданного секцией. Более того, он обязан тут же заявить о «подозрительном». Ко всему еще – патрули, облавы и просто бдительные прохожие. И – Революционный Трибунал, быстро «разъяснявший» каждого, кто вызвал сомнения. Мне нечего бояться смерти, но до «Синего цифеблата» добраться не дадут…

Отряд не спеша двигался вперед, вдоль дороги по-прежнему темнели голые, в черной влажной коре, деревья, а небо было все то же – серое, низкое. Небо, куда мне не было пути. Как жалко, что меня не оставили возле черного вспаханного поля!..

…Итак, мне требуется другой документ – обычное гражданское свидетельство, выданное одной из секций. Я должен раствориться, исчезнуть… что не так и сложно. Достаточно подстеречь в глухом переулке неосторожного «патриота», предъявить свой пропуск и потребовать его гражданское свидетельство. После чего одним «патриотом» станет меньше…

Нет, не станет. Я вдруг понял, что мне, нынешнему, запрещено убивать. Кем, почему, я не знал, но этот запрет был столь ясный, столь очевидный, что я тут же отбросил мысль о чужом документе. Да и это не поможет. Из слов лейтенанта я знал, что гражданское свидетельство нужно регулярно регистрировать. Значит, требуется что-то другое…

Вдали показались красные крыши Севра, и я вдруг понял, что уже бывал здесь. Севр, чуть дальше – Сен-Клу. Но ничего более не вспоминалось. Просто тот, кем я был когда-то, приот-

крыл еще один краешек ушедшей жизни. Я уже почти добрался. Остается миновать заставу, а затем…

«Затем» наступило не сразу. Возле заставы Сент-Антуан нам пришлось задержаться, причем надолго. Оказывается, байка, пущенная в лихой газетенке гражданина Эбера, отозвалась сильным эхом. Роту Лепелетье не ждали, более того, появление полутора сотен вооруженных молодцов вызвало настоящую тревогу. Напрасно лейтенант Дюкло тыкал под нос стражам в уже знакомых красных колпаках и карманьолах свой мандат, напрасно солдаты, чуя близкий дом, драли глотки. Стража выставила вперед стволы мушкетов и даже выкатила две пушки. Пушки были, правда, времен Бертрана Дюгесклена, но даже с такими, когда они смотрят тебе в лицо, лучше не связываться. Рота поутихла и принялась ждать.

Похоже, лейтенант Дюкло надеялся, что я предъявлю свой документ, дабы внести ясность в ситуацию, однако именно этого делать явно не следовало. Лейтенанту я пояснил, что мои полномочия действительны лишь вне Парижа и, кроме того, порядок есть порядок. В конце концов добрые патриоты разберутся, что перед ними не переодетые шуаны, а краса и гордость парижских санкюлотов.

Разбирались уже в полной темноте. Появился какой-то юркий субъект в шляпе с перьями и в чем-то, напоминающем грязное полотенце, натянутое поверх шинели. Чуть позже стало ясно, что это не полотенце, а трехцветная перевязь, правда, изрядно потерявшая свой вид. Субъект оказался кем-то из депутатов Конвента, специально посланный разобраться. Оказывается, якобинский ареопаг уже два часа дискутирует, что делать с ротой Лепелетье – пустить в Париж или не просто пустить, а устроить празднество с торжественным маршем к Манежу и пушечной пальбой.

Тут уж даже самые заядлые санкюлоты не выдержали, заявив гражданину депутату, что они больше полугода не были дома и пусть он со своими коллегами сам марширует на площади у Манежа, если им всем в Конвенте больше нечего делать. А насчет пушечной и прочей пальбы, то рота Лепелетье охотно эту пальбу устроит, причем в самое ближайшее время, если ее не пустят в город. Депутат махнул рукой, вполне человеческим голосом пожаловался на обилие идиотов и приказал нас пропустить – под свою ответственность.

Мы шли гулкими пустыми улицами, распугивая патрули, а я все глядел по сторонам, пытаясь угадать, где мы и куда двигаемся. Я не узнавал город. Все казалось чужим, непонятным. Нет, одному мне не разобраться. Значит, спешить нельзя, надо дождаться утра…

Дожидаться пришлось в каком-то подобии сарая, куда рота свалила оружие перед тем, как разбежаться по домам. Лейтенант Дюкло решил проявить истинный героизм и остаться на месте, дабы оное оружие не растащили. Меня это вполне устраивало, поскольку деваться было некуда, а отпускать гражданина Дюкло не хотелось – наутро он был мне нужен. А посему мы легли прямо на шинелях у двери, которую для верности заложили оглоблей, лейтенант уснул, а я долго лежал с закрытыми глазами, вновь и вновь продумывая свой замысел. Конечно, ничего хитрого изобрести нельзя, но иногда и самые простые задумки срабатывают.

Наутро нас сменили, и мы поспешили в секцию. Грозный оплот санкюлотизма разместился на втором этаже грязной старой харчевни. Там в это утро было людно – готовился праздник по поводу возвращения славных бойцов из победоносного похода. Этим было занято и руководство секции, вероятно, сочинявшее подходящие к случаю речи – в прозе и стихах. Но для нас сделали исключение. Меня и лейтенанта тут же приветствовал желтолицый, худой, словно жердь, тип, оказавшийся председателем секции 10 Августа, фамилию которого я не запомнил, да и запоминать не собирался.

Пока председатель сжимал в братских объятиях гражданина Дюкло (они были не только соседями, но и дальними родственниками), я бегло осмотрелся. Помещение секции имело истинно революционный вид, то есть выглядело донельзя убого. Поверх давно не штукатуренных стен красовался лозунг «Свобода, Равенство, Братство или Смерть», напротив помещалась

криво исполненная надпись «Смерть – тиранам!», а в углу стоял гипсовый монстр в красном колпаке – бюст, изображающий то ли кого-то из якобинских вождей, то ли просто местного домового. Стены были оклеены афишками с декретами, причем некоторые из них умудрились прикрепить вверх ногами.

Объятия окончились, и лейтенант Дюкло повернулся, дабы представить меня гражданину председателю, но я решил, что пора брать дело в свои руки. А посему, не дожидаясь представления, я самым решительным образом потребовал разговора наедине. Председатель только моргнул и поспешил согласиться. Как выяснилось, ко всему прочему он еще и заикался. Не д-дожидаясь п-приглашения п-пройти к ст-толу, я присел на табурет, милостиво кивнул столпу местного якобинства и поинтересовался, не слыхал ли он случайно о таком ведомстве, как Комитет общественной безопасности.

Лицо председателя начало менять свой цвет, становясь из желтого зеленоватым. Не дослушав до конца уверения в том, что сей орган рев-в-волюционной в-власти ему, п-председателю, хорошо и-известен, я вновь милостиво кивнул и задал следующий вопрос: не знает ли он – тоже абсолютно случайно – некоего гражданина по имени Максимилиан Робеспьер.

Слушать п-подробный от-ответ я не стал. Достав удостоверение, я вручил его председателю, посоветовав прочесть – и лучше не один раз, а дважды. А трижды – еще лучше.

Похоже, гражданин председатель в полной мере воспользовался моим советом, причем по мере чтения лик его все более зеленел, заодно покрываясь обильным потом. Это был хороший знак – больной явно дозрел. К месту вспомнилось, что коллеги гражданина Леруа имеют обыкновение бить пациентов колотушкой по лбу, дабы те погружались в спасительное забвение перед операцией. Оставалось достать колотушку.

Услыхав наконец, что он в-все п-понял и п-полностью уразумел, с к-кем имеет д-дело, я поинтересовался, известно ли гражданину председателю, для чего служит «национальная бритва». На этот раз ответ п-последовал нез-замедлительно, но никоим образом меня не удовлетворил. Пришлось пояснить, что «национальная бритва» бреет не только аристократов и заговорщиков, но и спекулянтов, а также, и не в последнюю очередь, расхитителей народного добра. А заодно тех, кто им потворствует. Например…

В тот вечер у костра, когда мои собеседники перешли на ирокезский язык, я все-таки кое-что услыхал, а услыхав, запомнил. Не то чтобы в секции 10 Августа творились особо большие безобразия. Но кошка знает, чье мясо съела, особенно когда приходится иметь дело с людьми и комитетами, охотно пускающими в ход «бритву».

Ж-жалкие оп-правдания я выслушивал приблизительно с п-полчаса. Затем мне надоело, и я, зевнув, спросил, куда делись средства, полагавшиеся славной роте Лепелетье. Ведь мундиры большинству пришлось справлять за свой счет, а Коммуна, как известно, такие средства выделила. Лицо председателя из зеленого стало черным, словно он прибыл из Санто-Доминго. Руки заскользили по столу, схватили толстую тетрадь, начали лихорадочно листать страницы. Я покачал головой, посоветовав оставить это для Революционного Трибунала и лично для гражданина Фукье-Тенвиля.[18] Меня же сейчас интересуют не столько эти мелочи, сколько простое и весьма любопытное обстоятельство: кто и почему организовал в секции 10 Августа торговлю гражданскими свидетельствами.

Я только начал развивать эту тему, но понял, что этак можно и перебрать. Смотреть на гражданина председателя стало неприятно. В конце концов, пытки отменил еще Его Величество Людовик XVI, а сидящий передо мною якобинец – не самый страшный из злодеев. Поэтому я заверил гражданина председателя, что в его личной честности Комитет не сомневается, однако дело есть дело, а посему я уполномочен для начала получить два чистых бланка

[18] Фукье-Тенвиль – обвинитель Революционного трибунала, организатор политических процессов.

оных свидетельств, дабы сравнить с теми, что изъяты у задержанных врагов Республики. Бланки должны быть с подписями, дабы сравнить и оные.

В заключение я заверил, что все, по-видимому, скоро разъяснится, однако посоветовал не особо разглашать наш разговор. Ведь если к торговле столь важными документами секция не имеет отношения, то по поводу прочего дело может обернуться несколько иначе. Более того, наш разговор лучше всего немедленно забыть, дабы не портить радостный праздник по поводу возвращения героев из роты Лепелетье, разгромивших в кровавых боях бесчисленные полчища врагов Республики, Единой и Неделимой…

Итак, у меня на руках были два бланка гражданских свидетельств. Начало понравилось. Мне даже показалось, что я далеко не впервые беседую по душам с гражданами «патриотами». Дело оказалось нетрудным, хотя и достаточно противным. Оставалось надеяться, что к намечаемому празднику лик гражданина председателя вновь приобретет нормальный желтый цвет.

Прощаться со своими спутниками из понятного благоразумия я не стал. Следовало уходить из Сен-Марсо. Но уходить не просто так. Национального агента Шалье вполне могли проследить от заставы до секции 10 Августа. Но дальше его след должен потеряться.

На соседней улице я зашел в более или менее пристойную лавку и купил длинный теплый плащ. Мой старый, покрытый пятнами крови, уже никуда не годился. Его я выбросил в ближайшей подворотне, а в соседней лавке приобрел большой саквояж и уже немодную, но достаточно респектабельную шляпу с узкими полями. Кажется, такую носили в Англии лет пять назад. Я невольно усмехнулся: скорее всего, тот, кем я был когда-то, мог считаться изрядным снобом в одежде. В нагрузку к шляпе мне была вручена трехцветная кокарда. Я не стал спорить и нацепил ее на самый верх.

Новый вид меня вполне устраивал – если бы не плохо выбритый подбородок, тот, кто глядел на меня из зеркала, мог вполне сойти за солидного буржуа. С подбородком все решилось в ближайшей цирюльне, после чего можно было покидать Сен-Марсо, но я чувствовал, что в моем новом облике чего-то не хватает. Подумав, я прошел еще пару кварталов и уткнулся в лавку старьевщика. Лохматый еврей долго не мог понять, в чем дело, но, когда я пошелестел ассигнатами, наконец хмыкнул и, порывшись в груде хлама, вручил мне очки. Очень симпатичные очки с толстыми стеклами, здорово менявшие мое лицо. Конечно, стекла в очках были самые обыкновенные – прием старый, но очень эффективный.

В фиакр, который мне удалось поймать у оживленного в это утро Птичьего рынка, садилась уже не сомнительная личность, которую бы задержал первый же встречный патруль, а достойный гражданин, который – если судить по внешнему виду – платит налог никак не меньше марки серебра.[19] Оставалось довершить остальное, и я велел ехать прямо в центр, к Ситэ.

Фиакр неторопливо катил по улицам – то широким, то узким, мелькали дома, площади, переулки, и я понял, что совершенно не узнаю город. Почему-то думалось, что при свете дня я все-таки что-то сумею вспомнить – или тот, кто подсказывал мне, решит помочь. Но Париж оставался чужим, и стало ясно, что мне суждено утонуть в этом каменном море. В незнакомом городе трудно что-то найти – зато легко найдут тебя.

К счастью, кучер, сообразив, что имеет дело с приезжим, охотно взял на себя роль чичероне. Что ж, я ничего не помнил, зато вполне был способен запоминать. К сожалению, мой первый вопрос остался без ответа. Гражданин кучер никогда не слыхал о «Синем циферблате». Или слыхал, но забыл. Во всяком случае, это не в центре, не у Пале-Рояля и не у Старого рынка. А вот эти места гражданин кучер знал отменно и охотно оными знаниями делился. Итак, улица Сен-Жак, когда-то знаменитая своими коллежами. Вот они, все три: Людовика Великого, Дю Плесси и Королевский. Конечно же, все – «бывшие», как не преминул уточнить

[19] Марка серебра – 50 ливров. Платившие налог не менее марки серебра имели право участвовать в выборах.

кучер. Над коллежем Людовика Великого развевалось трехцветное знамя, а над Королевским и того хуже – черное. Дальше, хотя и с другой стороны, пошли монастыри, тоже, конечно, «бывшие»: огромный – Святого Бенедикта и совсем маленький – Матюринцев. Кучер со знанием дела добавил, что монахов из обители Святого Бенедикта перебили еще в сентябре 1792-го, а вот «попы-матюринцы» умудрились улизнуть, только аббата удалось схватить и отправить «под бритву».

Я слушал, не перебивая, хотя больше всего на свете хотелось двинуть всезнайку по шее и велеть замолчать. Нет, я должен слушать – и запоминать. Итак, улица Сен-Жак, с которой мы свернули налево – к Термам Юлиана и еще одному монастырю – Премонтре. Чуть дальше, как пояснил кучер, находится знаменитая улица Кордельеров и еще более известный монастырь, где собираются истинные патриоты – друзья гражданина Дантона.

Туда мы не поехали, а свернули направо. Район мне неожиданно понравился – тихий, всюду узкие переулки, проходные дворы. Внезапно я понял, что надо будет остановиться где-нибудь поблизости. Это почти что центр: чуть дальше – Ситэ и Дворец Правосудия, а сразу же за рекой – Лувр. Итак, я отпустил разговорчивого кучера и осмотрелся.

Да, район оказался неплох. В ближайшей же лавке на углу я купил то, чего мне еще недоставало, – несколько рубашек, неплохой темный камзол и под цвет его – кюлоты, там же переоделся, выбросив все старье, кроме камзола. Камзол я спрятал в саквояж, решив подробно исследовать его чуть погодя.

Оставалась одна мелочь. В ближайшей кофейне, полупустой в этот утренний час, я попросил перо и чернила, после чего уселся в дальний угол и достал бланк гражданского свидетельства. Итак, я уже не национальный агент Жан Франсуа Шалье. Я просто Франсуа. Франсуа… Фамилия должна быть простой – но не слишком, я ведь не Жак Боном[20] в красном колпаке! Что-нибудь обычное, лучше всего название какого-нибудь небольшого городишки. Что-нибудь вроде Памье, Нанси, Ренна или Люсона… А почему бы и нет? Я усмехнулся и тщательно, стараясь, чтобы скверное перо не оставило кляксы, вывел: «Гражданин Франсуа Люсон». Неплохо! Люсон – обычный город, хотя и древний. Помнится, сам Ришелье был там епископом.

Итак, теперь гражданин Франсуа Люсон должен найти себе временное пристанище. С этим проблем тоже не было. Стоило мне свернуть на небольшую, покрытую неровным старым булыжником улочку, как в глаза бросилась огромная яркая вывеска – «Гостиница «Друг патриота». На всякий случай я остановил молочницу, деловито спешившую по своим важным делам, и поинтересовался по поводу цен и тараканов. Молочница охотно сообщила, что «Друг патриота», который, вообще-то говоря, все называют по-старому – «Вязаный кошелек», – гостиница из вполне приличных, а мамаша Грилье, которая содержит ее после смерти супруга, – гражданка строгая и к тараканам, и к постояльцам. Так что в «Кошельке» всегда порядок, буйство и непотребство пресекаются безоговорочно, а вот сидр там пить не надо. Сидр лучше всего пить чуть дальше, в кабачке «Третий сапог», который сейчас называется «Герои-марсельцы». Улица же эта именуется Серпант, а дальше идет улица Пуатевэн, а дальше – Кладбищенская, где кладбище Дез-Ар…

Молочница явно настроилась рассказать мне всю здешнюю историю с географией. Я понял, что не пропаду. Похоже, каждый парижанин готов часами вести беседы на подобные темы. Но мне пока вполне хватило, и я направил свои стопы к гостинице «Друг патриота».

Мамаша Грилье, совершенно квадратная особа неопределенных лет в огромном белом чепце и с вязаньем в руках, изучала мое удостоверение не меньше пяти минут, после чего, продолжая вязать, неопределенно хмыкнула и наморщила лоб:

---

[20] Жак Боном – «Яшка Простак», то же самое, что Иванушка-дурачок или «простой советский человек».

– Секция 10 Августа, значит?.. Знаю, там граждане сознательные. А почему вы остановились не в Сен-Марсо, гражданин Люсон?

Здесь явно не теряли бдительности, но к этому я был готов, сообщив, что прибыл в славный город Париж по заданию нашего (место благоразумно уточнять не стал) якобинского клуба, значит, и дела мне предстоят здесь, в центре. А из Сен-Марсо каждый день не наездишься, потому как мы – патриоты, а не какие-нибудь там аристократы, у которых гинеи под подкладкой зашиты.

– Это верно, гражданин, – мамаша Грилье одобрительно кивнула и бросила взгляд на вязанье. – «Аристо» я и на порог не пущу! Ну что ж, лишнего с вас, гражданин, не возьму, потому как вы с виду как есть патриот. Настоящий, не из тех, что рванье носят и в колпаках красуются!

Эге! Похоже, красные колпаки на улице Серпант не в чести! Впрочем, удивлялся я недолго – колпаки носит голытьба из Сент-Антуана и Сен-Марсо, а мамаша Грилье как-никак – хозяйка гостиницы.

– Расписывайтесь, гражданин! – Вязанье было отложено в сторону, и передо мной возникла громадная тетрадь в черной обложке. – Поскорее, гражданин, скоро «связку» привезут…

– Как? – на всякий случай поинтересовался я, подумав, что речь идет о дровах или в крайнем случае постельном белье.

Ответом был взгляд, полный недоумения.

– А у вас как это называется? Или вы своих аристократов по одному «брить» возите? Ну так, наверно, у вас городишко, гражданин, маленький!

Я начал понимать. «Связка» – людей связывают и везут «брить»…

– Я, гражданин, ни одной «связки» не пропустила! Мне там место добрые люди всегда занимают – у самого эшафота, чтоб ничего не пропустить. А сегодня «связка» знатная – герцогиня… Страсть люблю, гражданин, когда этих дамочек-аристократок «бреют»… Герцогиня, два ее прелестных щенка, трое бриссотинцев[21] проклятых… Всего двадцать четыре! Маловато, конечно, ну да скоро побольше будет! Так что расписывайтесь, пора мне. Сейчас позову гражданина коридорного, он вам поможет…

Хорошо, что вязание требует определенного внимания, и мамаша Грилье не удосужилась взглянуть в лицо своего нового постояльца. Нет, я почувствовал не страх и даже не гнев. Бессилие – бессилие хотя бы на день, хотя бы на час уйти от Смерти. Еще одна Смерть сидела передо мной в деревянном кресле с высокой спинкой. Смерть ловко орудовала спицами и спешила на свой праздник, где головы отрубают уже не людям, а «связкам». Да, мне никуда не деться от Смерти – я прибыл в Ее заповедник, в Ее царство.

Я долго лежал на широкой низкой кровати, глядя в белый, в тонких трещинах, потолок. Сил не было. Странно, что я вообще способен двигаться, разговаривать, даже улыбаться. У меня не осталось сил даже на ненависть, а ведь когда-то я ненавидел этих мерзавцев, этих людоедов, бросивших Францию – мою Францию! – под нож «национальной бритвы». Господи, как я их ненавидел! Но сейчас я чувствовал лишь боль – фантомную боль, которая не может убить, но от которой нет спасения.

Наконец я пересилил себя, встал и, наскоро разложив свой нехитрый скарб, занялся камзолом. Сперва я вынул из-под подкладки гинеи – новенькие, тяжелые, сверкающие, после чего начал аккуратно, пядь за пядью, исследовать плотную ткань. Усилия оказались не напрасны. У самого воротника пальцы нащупали что-то странное. Вскоре передо мною лежала сложен-

[21] Бриссотинцы – более известны как жирондисты. Одна из революционных партий. В июне 1793 года бриссотинцы были отстранены от власти и объявлены «врагами народа». Их вожди, в том числе Бриссо, по имени которого названа партия, погибли на гильотине.

ная вчетверо тонкая пергаментная бумага. Сердце замерло – удача! Я прежний, похоже, предусмотрел почти все. Может, сейчас я увижу адрес «Синего циферблата»…

Увы, там были только цифры. Несколько аккуратных строчек – и ни одной буквы. Увы, я прежний оказался слишком предусмотрительным. 1, 23, 11, 12, 19… Это мне ничего не говорило. Конечно, шифр и, конечно, не очень сложный. Такие записи следует расшифровывать быстро. В то же время это едва ли что-нибудь примитивное. Цифры не просто заменяют буквы – такое разгадывается за час. Нужен ключ – но этот ключ мне уже не принадлежал…

Я вновь упал на кровать, закинул руки за голову и прикрыл веки. Разгадка была рядом, совсем близко. Если удастся вспомнить хоть что-нибудь! Ведь это зашифровывал я сам – на крайний случай, самый крайний, подобный нынешнему! Что же я мог придумать?

Вновь поднеся бумагу к самым глазам, я принялся всматриваться в ровные строчки. Пять записей, очень небольших. Скорее всего адреса и фамилии – что еще можно прятать? Но тогда у меня должна быть с собой книга, причем самая невинная и обычная, какую можно купить в каждой лавке. А еще лучше – две или три книжки, одна из которых – настоящая. Но листать на сон грядущий надлежит все, иначе опытный глаз заметит, какую из книг брали в руки чаще. А остальное – просто. Буквы заменяются цифрами согласно тексту, причем номер берется каждый раз иной. Например, сначала «а» будет, скажем, «3», а потом – «21»…

Это я помнил. Когда-то приходилось пользоваться подобным нехитрым приемом наряду с иными, куда более сложными. Например, эту бумагу можно прогладить утюгом… Нет, еще раз поглядев на странную записку, я сообразил, что на такой бумаге тайнопись не проявится. Зато пергаментная бумага не размокнет в воде – и не впитает кровь.

Я вновь пробежал глазами по шифру. Какая жалость! Вот уж действительно, давно мне ведом терпкий вкус греха…

Я замер. Что за чушь? Почему…

…Давно мне ведом терпкий вкус греха…

Ах, вот оно что! Все-таки я вспомнил… Вспомнил…

Давно мне ведом терпкий вкус греха,
И пропасть черную уж зрю издалека,
Черны грехи мои, но злато облаченья
Меня слепит и гасит все сомненья…

Конечно, это могло быть случайностью. Несколько строчек, заблудившихся в памяти. Но могло быть и иначе. Тот, оставшийся вдалеке, подсказал. Ведь не обязательно иметь с собой книгу! Достаточно помнить наизусть десятка три строк…

Я бросился к столу, положил перед собой записку… и через несколько минут разочарованно вздохнул. Нет, ничего не получалось. Может, просто в памяти всплыла какая-то ненужная чушь. А может, я вспомнил не с самого начала – и, конечно, не все. Жаль. Поистине, черны грехи мои…

Я выписал строчки на отдельном листке и попытался вспомнить, откуда сие. Не Мольер, конечно, не Корнель. Что-то определенно поновее, причем автор явно нечасто беседует с музами. Впрочем, дорога оставалась открытой. В Париже немало любителей поэзии…

Стук в дверь прервал невеселые мысли. Решив, что это коридорный, точнее «гражданин коридорный», я быстро спрятал бумаги и хотел крикнуть «Да!», но решил проявить революционную вежливость и подошел к двери.

– Гражданин Люсон?

Девушка… Или молодая женщина, но никак не старше тридцати. В углах губ змеились морщинки, но глаза светились молодо, ярко. Дорогая накидка, на голове странная круглая шляпка…

– К вашим услугам… гражданка.

Говорить даме «гражданка» – поистине преступление перед французским языком. Но мало ли кто бывает в заведении мамаши Грилье?

– Чем могу служить?

Поначалу мелькнула мысль о скучающей соседке по этажу. Но я тут же сообразил – соседке ни к чему надевать теплую накидку.

– Разрешите ваше удостоверение?

Я чуть было не ляпнул: «А ваше?», но прикусил язык. Шутки кончились. Взгляд гостьи был холоден и суров.

Бумагу из Сен-Марсо она изучала долго, хотя и не так, как мадам Вязальщица. Наконец гостья кивнула и слегка улыбнулась.

– Извините. Здравствуйте, гражданин Люсон!

– Здравствуйте, гражданка… – начал я, пряча бумагу. Намек был понят. Девушка вновь улыбнулась и покачала головой:

– Это неважно. Вам просили напомнить… «Некогда против трехсот мириад здесь сражалось четыре…»

На миг я оторопел, а затем улыбнулся в ответ. Похоже, без знания поэзии в Париже не сделаешь и шага. Например, без стихов Симонида Кеосского в переводе Ракана.

– «…Тысячи ратных мужей Пелопоннесской земли. Путник, пойди, возвести нашим гражданам в Лакедемоне…»

– Благодарю вас… – Улыбка исчезла, лицо вновь стало суровым. – Ваш друг просил передать… «Гражданин! Твой подвиг во имя Республики, Единой и Неделимой, высоко оценен. Но враги нации не дремлют. Они куют смертельное оружие, чтобы поразить Революцию…»

Странно слушать такое, тем более не в дурной пьесе, а в жизни. Да и в дурной пьесе этакая дичь воспринималась бы плохо. Но внезапно показалось, что я слышу совсем другой голос – мужской. Негромкий, холодный, как лед…

– «Ты будешь нужен, гражданин! Пока же советую тебе добродетельно отдохнуть, но вспомни наш спор и не пей шампанское, ибо шампанское – яд свободы. Прощай и до скорой встречи!»

Вам повторить? – девушка вновь улыбнулась, заговорив своим нормальным голосом. Я покачал головой, почувствовав горькую обиду. Стоило путать следы, пугать до полусмерти достойного патриота в Сен-Марсо, цеплять дурацкие очки! Нашли! Вернее, нашли не меня, а национального агента Шалье, который, оказывается, любил шампанское…

– Нет, спасибо, я запомнил. Может, зайдете?

– Надо идти, – девушка вздохнула. – Много поручений, он сейчас очень занят, даже ночами не спит…

– Погодите! – Я попытался собраться с мыслями. – Я… Я давно не был в Париже. Не посоветуете ли, как здесь… гм-м, добродетельно отдохнуть?

– Театр Оперы. Сегодня. Для вас будет билет в третьей ложе на фамилию Люсон…

Вот даже как? Кажется, моя гостья восприняла вопрос излишне серьезно.

– И что там дают?

Она на миг задумалась.

– Кажется… Да, сегодня патриотическая опера граждан Гийара и Лемуана «Мильтиад при Марафоне». Стоит послушать, гражданин Люсон. Очень хорош второй акт, особенно хоры… И вам просили передать, что билет будет оставляться вам каждый вечер… Мне надо спешить. До свидания.

Попрощаться я не успел. Гостья исчезла, а я остался стоять у двери если не в полной растерянности, то в состоянии весьма близком к этому. Наконец я вздохнул, достал коробку с папелитками и закурил, пытаясь осмыслить случившееся.

Впрочем, осмысливать было нечего. Меня, вернее национального агента Шалье, нашли – быстро и безошибочно. Мои уловки оказались поистине дилетантскими. Очки с простыми стеклами! Впрочем, тот, кто назывался «другом», похоже, вполне одобрял мое поведение. Более того, советовал скрываться и дальше. А место в третьей ложе Оперы – на крайний случай, если понадобится экстренная встреча.

И еще. Пароль – Симонид в переводе Ракана – был мне, похоже, известен. Очевидно, гражданин Шалье поделился не только сложенной вчетверо бумагой.

Я лежал на кровати, докуривая уже вторую папелитку подряд, и с тоской думал, что влезаю в какую-то скверную и абсолютно ненужную мне историю. Правда, бояться нечего – в случае чего я просто посмеюсь этим «друзьям» в лицо и предложу отправить меня на гильотину. Но от меня не отстанут. Говорят, колдуны способны ловить призраки и прятать их в бутылки, чтобы демонстрировать гостям. Нет, попадать в бутылку нельзя!

Вечер наступил быстро – хмурый ноябрьский вечер, точнее, вечер месяца фримера Второго года Республики. Увы, время потрачено зря. Цифры на пергаментной бумаге оставались всего лишь цифрами, и никто – ни «гражданин коридорный», ни соседи-постояльцы знать не знали никакого «Синего циферблата». Кто-то вспомнил, что так назывался кабачок в Марселе, но циферблат там был не синий, а желтый.

Можно было расспросить почтенную мамашу Грилье, но мадам Вязальщица почему-то наводила на меня ужас. Слушать рассказ об очередной «связке» совершенно не тянуло.

Оставалось последнее – сходить в Оперу. Дорогу мне уже объяснили – прямо по улице, затем направо, потом по мосту через Сену… Лучше, конечно, взять фиакр, хотя вечером «граждане кучера» требуют двойную плату. А еще лучше не ходить ни в какую Оперу, поскольку, как ни крути, а Опера ничуть не лучше Королевского театра, который в полном составе отправлен, к радости всех истинных патриотов, в тюрьму Маделонет. Мне же советовали посмотреть что-нибудь истинно патриотическое – «Триумф Республики» в театре Марата, что на улице Сен-Виктор, или «Границу» в театре на улице Турнон. А еще лучше посмотреть и послушать хороший патриотический водевиль, благо их ставят везде – хотя бы «Еще один кюре» граждан Радэ и Дефонтена, где паразиты священники представлены так, что обхохотаться можно.

Напутствуемый подобным образом, я пообещал подумать и направил свои стопы по безлюдной в этот поздний час улице Серпант.

Честно говоря, я не знал, что и делать. Конечно, смотреть «Еще одного кюре» я не собирался, равно как искать театр Марата. Меня вообще не тянуло в театр, но не пойти сегодня в Оперу означало, что я почему-то пренебрег настоятельным приглашением «друга». Возможно, «друг», хотя и занятый, если верить моей гостье, многими важными делами, не забудет разузнать – пустовало ли место в третьей ложе. А может, даже пришлет кого-нибудь, знавшего гражданина Шалье в лицо. Или заглянет в театр сам – на минутку, чтобы поздороваться и поинтересоваться, не совратился ли национальный агент Шалье на шампанское…

В этом случае следовало, конечно, не выходить на улицу и завтра же поискать другую гостиницу, использовав второй – чистый – бланк. Но, подумав, я отбросил эту мысль. Меня нашли сегодня, найдут и завтра. Если «друг» хотел бы незаметно взглянуть на меня, то не приглашал бы в Оперу – это можно сделать куда проще. Возможно, национальный агент Шалье действительно приятельствовал с неведомым «другом». Обыкновенному агенту не станут передавать пожелание не пить шампанское. Может, Шалье любил оперу, и «друг» решил сделать ему подарок, абонировав ложу?

Возле Оперы было людно. Глядя на фиакры, с трудом пробирающиеся через толпу, на оживленных людей, одетых отнюдь не в колпаки и карманьолы, я вначале не поверил своим глазам. Выходит, в Париже – царстве Смерти – еще осталось что-то, напоминающее обычную нормальную жизнь? Люди модно одеваются, ходят в Оперу, у них хорошее настроение… Выхо-

дило, что так. Внезапно я почувствовал зависть и нечто похожее на смущение. Для Оперы мой наряд – весьма респектабельный, если смотреть с улицы Серпант, – совершенно не годился. Вместо плаща и камзола следовало надеть редингот и повязать не шарф, а галстук… Похоже, когда-то я очень следил за такими вещами. Нелепые очки внезапно стали давить на переносицу, и я еле удержался, чтобы не снять их тут же и не выбросить прямо на булыжник. Очки в Опере! Засмеют! Одно дело – лорнировать дам, другое – пялиться на них через стеклышки в роговой оправе…

Суета сует! Я опомнился и нерешительно поглядел на ярко освещенный портал. Что делать? Не идти – опасно, пойти… Но ведь девушка не передала мне приказ! Это лишь совет, которым я могу и не воспользоваться. Может же национальный агент Шалье, равно как добрый республиканец Франсуа Люсон, устать с дороги! Ведь я приехал не с Форжских вод!

Еще не зная, на что решиться, я вновь оглядел площадь, заметив как раз напротив сияющей огнями Оперы нечто, напоминающее ее уменьшенную копию. Первый этаж большого дома был ярко иллюминирован, возле входа теснились люди, на мостовой стояло несколько колясок и фиакров. И вдруг мне показалось, что я припоминаю. Нет, не припоминаю, просто пришла очередная подсказка. Здесь, как раз напротив театра, находится знаменитая лавка. Нет, не лавка! Кафе! Оно называется весьма странно, каким-то именем, причем иностранным…

Кафе именовалось «Прокоп». У самого входа красовалась изрядно исполненная мраморная доска, извещавшая, что сие заведение основано в 1681 году от Рождества Христова (слова «Рождества Христова» оказались закрашены) добрым парижанином Франческо Прокопом Куто родом из Сицилии. Больше ста лет назад! Похоже, у сицилийского парижанина оказалась легкая рука!

Толпиться не хотелось, но вскоре я заметил, что публика большей частью не заходит, а совсем наоборот. Очевидно, это были зрители, спешившие на представление. Решившись, я пропустил какого-то щеголя, резво выскочившего из дверей, и прошел внутрь.

Господин Франческо Прокоп Куто, равно как его наследники, оказались на высоте. Минут пять я разглядывал роскошное убранство – зеркала (настоящие венецианские), ковры (издалека могущие сойти за персидские), хрустальные люстры. На стенах темнели портреты. Не без удивления я узнал д'Аламбера, Гольбаха, Бюффона. Здесь что, отделение Академии наук?

Столики пустели на глазах. Очевидно, для заведения Прокопа наступал мертвый час. Я решил не ждать официанта, а подошел прямо к стойке, мраморной, украшенной затейливой резьбой – змеящимися виноградными лозами. За стойкой возвышался солидного вида щекастый гражданин с трубкой в зубах. Увидев меня, он мгновение-другое оценивающе приглядывался, затем величественно кивнул:

– Добрый вечер, гражданин! Решили не идти на первый акт?

– А что, стоит опоздать? – Я присел напротив и вновь с интересом огляделся. Да, солидное заведение!

Мой собеседеник подумал, выпустил изо рта устрашающего вида синеватое облако и с достоинством резюмировал:

– Первый акт можно пропустить. Это точно! – Он подумал и заключил: – Впрочем, и второй тоже. Безобразная опера!

Мысль мне понравилась. Лучше посидеть тут, выпить кофе. Интересно, а какой здесь кофе?

Я поглядел в угол, где обычно находится жестяная колонка с краном и жаровней, но ничего похожего не заметил. Хозяин, явно отличавшийся проницательностью, вновь выпустил целую тучу дыма и покачал головой:

– И не ищите, гражданин! Кофе в бочке не варим! У нас кофе по-стамбульски, на песке. Вам крепкий? С сахаром?

– Крепкий, без сахара, – не думая, ответил я.

– Тогда вы – добрый патриот, – удовлетворенно заметил хозяин и, достав джезву, принялся священнодействовать.

Хотелось спросить почему, но я сдержался. Впрочем, мне тут же пояснили:

– Доброго патриота всегда узнать можно. Добрые патриоты сахар не употребляют, потому как сахара в Республике не хватает. Зато кофе пьют самый крепкий, дабы самим крепче стать.

Я несколько удивился, и вдруг в словах хозяина мне послышалось что-то знакомое. Добрые патриоты…

– Добрые патриоты не пьют чай, Франсуа! Добрые патриоты пьют кофе! Привыкайте!

Мари Жильбер де Ла Файет протягивает мне большую дымящуюся кружку, и я осторожно отхлебываю крепкий горький напиток. Мой друг смеется и качает головой:

– Но мадам Марта кофе варить так и не научилась. Увы!

Да, мадам Марта, в доме которой, именуемом Маунт-Вернон, мы только что были в гостях, варит кофе в большом чугунном котле. Однако ее супруг – высокий, чуть сутуловатый человек с яркими голубыми глазами – находил сей кофе превосходным. Впрочем, разговаривая с ним, я менее всего думал о вкусе темного напитка. Я называл этого человека «господин генерал», и в разговоре – очень важном, секретном – речь шла…

– Прошу вас, гражданин! Самый крепкий!

Я очнулся, кивнул и осторожно взял большую фаянсовую чашку. Воспоминание не отпускало. Высокий, чуть сутуловатый человек… Бросив взгляд в дальний угол, я вздрогнул – на меня смотрело его лицо – гипсовое, холодное. В жизни этот человек совсем другой, хотя ныне именуется совершенно чудовищным титулом – Его Высочество Мощь и Сила, Президент Соединенных Штатов Америки и Протектор их Свобод. Впрочем, обычно его зовут, как и прежде – просто «генерал»…

– А это – знаменитости, – хозяин вновь верно оценил мой взгляд. – Которые из гипса, те – просто из уважения. А портреты – это, стало быть, посетители.

Гипсовых знаменитостей, включая того, у кого я пил сваренный в котле кофе, оказалось четверо. На остальных я и глядеть не стал. А вот портреты…

– Они что, здесь все бывали? Бюффон, Гольбах…

– И Вольтер тоже бывал, – хозяин довольно ухмыльнулся. – Только портрет его сняли пока – уж больно мухи гражданина философа засидели. Подновим – снова повесим! А чего удивляться? Покойный господин Прокоп, земля ему пухом, за-ради этого заведения целых три дома купил, да перестроил, да зеркала повесил. А кофе? Такой раньше только в «Синем циферблате» варили. В «Синем циферблате» – и у нас…

– Что?!

Кофе внезапно потерял вкус. «Синий циферблат»! Оказывается, там варили очень хороший кофе…

– Ну, это когда было! – махнул рукой хозяин и вновь с достоинством выпустил облако сизого табачного дыма. – Лет тридцать тому! А потом тамошний хозяин помер, а наследник вместо кофе стал сидр подавать. Сидр, прости господи! Ровно в деревне!

Я вытащил папелитку, закурил и стал глядеть в сторону, боясь бросить лишний взгляд на хозяина. Не спугнуть! Достойный гражданин разговорился, сейчас главное – не мешать…

– А, «папелито» курите! – в голосе прозвучало явное неодобрение. – И совершенно напрасно, гражданин! Я вам так скажу – испанцы только табак переводят! Трубка – это дело правильное! И кофе мы варим правильно! Честно говоря, гражданин, покойный господин Прокоп кофе варить не очень-то умел. Он вначале у одного грека служил. Или армянина, уже не упомню. Того звали как-то странно. Хатарюн, что ли? Ну, дело там не пошло. А потом господин Прокоп изловчился и переманил одного парня аккурат из этого самого «Синего циферблата».

Тот кофе варил, я вам скажу! Мой дедушка рассказывал, что ложка в кофе стояла! Больше одной кружки в день такого не выпьешь! Вот с того времени и…

– А «Синему циферблату» не повезло, – равнодушно бросил я, по-прежнему глядя в сторону.

– А сами виноваты! Место у них неплохое, клиентов хватало. Нечего было на сидр переходить! Было кафе, стал кабак, прости господи! А так бы конкурировать пришлось, ведь это рядом совсем. Три квартала…

– К северу? – Я вовремя вспомнил, что на юге – Сена.

– А, бывали там! – хмыкнул хозяин. – К северу, понятно. Три квартала, да налево, площадь Роз. Да какие там розы, гражданин! Сами небось видели – ни деревца, ни кустика…

Я уже не слушал. Все оказалось очень просто! Три квартала, несколько минут ходьбы. Хотелось вскочить, броситься к двери…

Но я вовремя сдержался. Сейчас поздний вечер. Такие кабачки, где наливают сидр, обычно в это время уже закрыты. А я ведь даже не знаю, кого там искать! Хозяина, слугу, служанку? А может, искать никого не надо, мне там могли просто оставить письмо… Нет, надо ждать. Завтра утром…

Хозяин продолжал что-то рассказывать, я кивал, кажется, даже отвечал, не думая, вернее, думая совсем о другом. Кажется, все скоро кончится. Плохо ли, хорошо, но кончится. Я у цели, я почти у цели…

Обратно я решил идти пешком, благо дорога запомнилась. Улицы были пусты, если не считать патрулей, неторопливо бродивших по ночному городу. Пару раз меня останавливали, но придираться к доброму гражданину Люсону, возвращавшемуся в гостиницу «Друг патриота», никто не стал. Я отвечал, почти не соображая, что говорю. Все вокруг стало казаться нереальным, странным: ночные улицы, дома с плотно закрытыми ставнями, усатые физиономии патрульных. Внезапно я ощутил, насколько устал. Весь день я притворялся живым – и, похоже, притворялся неплохо. Но как это тяжело! Господи, как это было тяжело! Мне ведь уже ничего не нужно – и никто не нужен! Скорее бы настало утро – утро, несущее покой…

Я шел около часа и вдруг сообразил, что заблудился. Похоже, память все-таки подвела. Этого еще не хватало! Я оглянулся – незнакомая узкая улица, впереди – низкий серый забор… Да, где-то я ошибся. Наверно, перейдя мост через Сену, я свернул направо, а надо было…

Я вновь осмотрелся, но вокруг никого не было. Добрые патриоты мирно спали, а граждане патрульные отчего-то не почтили эту улицу своим неусыпным вниманием. Спросить дорогу оказалось не у кого, и я неторопливо пошел вперед вдоль серого забора, сложенного из грубого рваного камня. Под ногами тоже был камень, и внезапно показалось, что я уже в могиле – в каменном склепе, откуда нет выхода. Я резко выдохнул, взглянул наверх, но на небе, покрытом тяжелыми тучами, нельзя было разглядеть даже самой маленькой звезды. Могила… Сырая, холодная могила.

Я закусил губу – до боли, до солоноватого привкуса крови. Да, все так. Но разве я мог надеяться на что-то иное? Еще немного, совсем немного! Добраться до гостиницы, упасть на кровать, дождаться утра, взять первый встречный фиакр… Но сначала надо найти дорогу.

И тут я услыхал стон. Негромкий, еле слышный. Я быстро оглянулся, но никого не заметил. Почудилось? Я вновь осмотрелся и тут заметил у самого забора что-то похожее на темную груду тряпья. Мгновение-другое я стоял, не зная, что делать, а затем решительно шагнул вперед.

Пока я шел, стон повторился. Я ускорил шаг – и через минуту сомнения исчезли. То, что издалека казалось бесформенным темным пятном, на самом деле было человеческой фигурой. Кто-то сидел у стены, у холодной сырой стены, опираясь спиной на рваный камень.

– Что с вами? Вам помочь?

Ответа долго не было. Наконец послышалось негромкое:

– Оставьте меня.

Я вздрогнул – голос был женский. Молодая женщина в странном рубище, похожем на темное покрывало… Нищенка? Но что ей тут делать в холодную осеннюю ночь?

– Вы больны? Я позову врача…

– Нет. Я не больна.

Она подняла голову, и наши глаза встретились. В ее взгляде я не уловил ничего – только странную пустоту. Мелькнула догадка, что передо мной – слепая. Но я тут же понял – нет, дело в другом…

– Оставьте меня, сударь. Я не больная. Я… Я мертвая.

Слова ударили, словно обухом. Я умер! Я умер давно… Мертвец встретил мертвеца!

– Так не бывает, сударыня! – На миг я закрыл глаза, пытаясь собрать остатки воли. Я мертв, но эта несчастная – жива. Ей надо помочь…

Ее рука оказалась неожиданно теплой. Пульс бился ровно и четко. Я облегченно вздохнул.

– Сейчас кого-нибудь позову… Кто вы, сударыня? Где вы живете? Вас надо отвезти домой.

В пустых недвижных глазах внезапно мелькнула боль.

– Я – никто. Оставьте меня, сударь! Меня… Я должна… Я обязательно должна… Я не помню!

Я окончательно пришел в себя. Бедняжка просто больна. Красивая молодая женщина, очень приметное лицо, небольшая родинка на левой щеке, пряди светлых волос, выбивающиеся из-под покрывала. Похоже, с нею случилось то же, что и с несчастным священником, попавшим в руки красных колпаков…

– Подождите!

Я огляделся и с облегчением заметил вдали, в неярком свете фонаря троих парней в синих шинелях. Патруль! Наверно, впервые в жизни я обрадовался патрулю «синих».

– Подождите минуту, – повторил я. – Сейчас мы вам поможем…

К сожалению, граждане патрульные не отличались толковостью. У меня потребовали гражданское свидетельство, долго его изучали, затем решили, что здесь не хватает света, а посему надо подойти ближе к фонарю… Когда вопрос со мной разъяснился, меня наконец соизволили выслушать. Увы, когда мы подошли, у стены уже никого не было. Несчастная женщина исчезла, и я мысленно выругал бестолочей санкюлотов, а заодно и себя самого. Как можно было оставлять ее одну? Ищи ее теперь по холодному ночному городу!

Я попытался объяснить, что следует организовать поиски, поскольку ночь ожидалась холодная, да и лихих людей в этаком безлюдье встретить совсем немудрено. На это мне было категорически заявлено, что «меры» будут приняты, а мне следует отбыть по месту жительства, ибо нечего «доброму патриоту» бродить ночью по улицам. На физиономиях граждан санкюлотов при этом читалось явное желание спровадить меня подальше, дабы не путался под ногами. Моя просьба разрешить мне остаться и поискать пропавшую самому была пресечена самым решительным образом, и один из парней взялся проводить меня до угла улицы Серпант. Она оказалась совсем рядом – я действительно сделал лишний поворот и теперь был вынужден пройти по улице Л'Эпереон до ближайшего перекрестка. Напоследок я спросил, что это за место, и равнодушный ответ парня в синей шинели заставил вздрогнуть. Кладбищенская улица… Там, за серой каменной стеной, кладбище Дез-Ар. Неудивительно, что бедная, потерявшая разум женщина бродила по этим мрачным местам. И я еще раз пожалел, что оказался столь нерасторопен.

Ночью ударил мороз. Утро выдалось холодное, а уличную брусчатку и красные черепичные крыши покрыл тонкий слой свежего хрустящего снега. Удивительно, но спал я крепко, без сновидений. На душе было странное спокойствие, словно все главное уже сделано. Наверно,

такое чувство бывает перед похоронами, когда дроги поданы, факельщики выстроены в ряд, священники читают молитву, и осталось лишь спокойно идти за катафалком до близкого погоста. Фиакр, который я поймал сразу за углом, оказался под стать дрогам – старый, скрипящий, да и кучер попался мрачный и неразговорчивый, словно и в самом деле собирался везти меня на кладбище, а не на площадь Роз. Впрочем, мне было не до разговоров. Я глядел на красивый и чужой город, покрытый первым осенним снегом, и думал, что все случившееся похоже на сон. Сейчас эти улицы, дома, река, покрытая у берегов тонким неверным льдом, исчезнут, и я вновь увижу серое, такое близкое небо, а вокруг будет старая пожелтевшая трава и черные деревья, стерегущие лионскую дорогу. Зачем я здесь? Скорее бы все кончилось…

Я не сразу услыхал голос кучера. Очнувшись, я понял, что мы стоим, вокруг – невысокие двухэтажные дома, окружавшие маленький, мощенный старым булыжником пятачок. Площадь Роз была подозрительно безлюдна, лишь над трубами клубился дым, а у входа в хлебную лавку толпилась небольшая очередь совершенно безнадежного вида.

В первый миг я растерялся. Почему-то казалось, что я узнаю это место сразу. Нет, ничего не вспоминалось, а тот, кто иногда подсказывал мне, на этот раз молчал. Я не спеша обошел всю площадь, заметив несколько подозрительных взглядов, брошенных на меня из очереди, и в растерянности остановился. Нет, я представлял это место совершенно иначе…

– Кукареку, гражданин! Чего ищете?

От неожиданности я вздрогнул, оглянулся, но никого не увидел.

– Кукареку! Не туда смотришь, дылда!

Я действительно смотрел не туда. Следовало нагнуться, чтобы заметить того, кто так оригинально меня приветствовал. Мальчишка – маленький, в рваной куртке, еще более рваных штанах и огромных деревянных башмаках. Чумазая рожица ухмылялась, и эту ухмылку ничуть не портило отсутствие переднего зуба. В довершение всего голову огольца украшала огромная шляпа, налезавшая ему на самые брови. На шляпе красовалась большая трехцветная кокарда.

– Кукареку, – вздохнул я. – Чего надо, малыш?

– Я вам не малыш! – Рожица внезапно приобрела суровый вид. – Меня Огрызком кличут, а вообще-то я – гражданин Тардье, вольный санкюлот секции Обсерватории. А вы, гражданин, выкладывайте, чего ищете, а не то я патруль кликну…

– Действительно кликнешь? – поинтересовался я, в который раз оглядывая площадь. Ничего похожего ни на кафе, ни на кабачок. Ни вывески, ни открытых дверей, ждущих посетителей…

Малец задумался, наконец хмыкнул:

– Не, не кликну. Потому как у вас вид, гражданин, вполне патриотический. И кокарду вы носите! А вы говорите, чего надо, может, и найдете – с моей помощью!

– «Синий циферблат», – решился я. – Это кабачок, там сидр подают…

Внезапно глаза гражданина Огрызка стали очень внимательны, он оглядел меня с головы до ног и наконец решительно заявил:

– Три ливра, гражданин! Как раз мне на «петрушечницу» будет.

– На что? – удивился я, доставая пару ассигнатов.

– Сразу видно, деревня! – Оголец сплюнул, растер плевок деревянной подошвой и снисходительно пояснил: – «Петрушечница», гражданин, это агромадный ломоть говядины с петрушкой, да с маслом, да с уксусом. Полное объедение для тех, кто понимает! Только… вы мне не то дали. Я три ливра просил! А вы мне бумажки даете.

– А ты точно здешний? – полюбопытствовал я. – «Петрушечницу» заслужить надо!

В ответ послышался свист.

– Здешний! Да я здесь каждый булыжник по имени знаю! И меня все знают! Я летом обычно прямо тут, на площади, и ночую. Навес здесь летом ставят, очень удобно. А зимой больше по чердакам. Холодно, правда…

Я вновь взглянул на санкюлота из секции Обсерватории, хотел спросить, где же его родители или хотя бы родственники, но понял, что такой вопрос ни к чему. Парень живет на улице, носит деревянные башмаки на босу ногу и хочет заработать на кусок хлеба с говядиной.

Я достал гинею и показал ее гражданину Огрызку.

– Проведешь – твоя! Знаешь, что это?

Вновь послышался свист, на этот раз изумленный.

– Золото Питта! С портретом злодея и тирана Георга III!

– Держи!

Гинея тут же оказалась в его грязной лапке, оголец подпрыгнул, отчего шляпа съехала на ухо, и внезапно завопил что есть силы:

Король Георг хотит напасть
На Францию – ха-ха!
За это мы в его дворец
Подпустим петуха!

После чего, спрятав гинею за щеку, совершенно нелогично закончил:

– А лучше бы вы мне, гражданин, три ливра дали!

Подобная щепетильность показалась мне странной, малец же, потоптавшись немного на месте, поглядел на меня как-то нерешительно и наконец вздохнул:

– Ну чего, пошли, гражданин Деревня!

Идти оказалось совсем недолго – не больше десятка шагов. Обычный дом, мимо которого я уже прошел не меньше двух раз, – старый, двухэтажный, под красной, припорошенной снежком черепичной крышей. Только двери и окна первого этажа оказались заколоченными крест-накрест, а на одной из дверных створок красовался цветной бумажный плакат.

– Вот он, – гражданин Огрызок кивнул на закрытые двери и снова сплюнул. – Был «Циферблат», да весь вышел. Закрыто именем Революции! Папашу Молье, что заведение держал, с «бритвой» повенчали, а кабачку, понятно, – каюк!

Все еще не веря, я зачем-то потрогал дверь, взглянул на плакат, на котором красовалась знакомая надпись «Республика, Единая и Неделимая…», и вдруг почувствовал, что все вокруг исчезает, покрывается серым плотным туманом, проваливается в никуда. Вот и пришел… И эта дверь оказалась закрытой. Зря, все зря! Господи, все зря! Надо было остаться там, у лионской дороги, где небо казалось таким близким…

– Да чего с вами, гражданин? – детский голос донесся откуда-то из невероятного далека. Я с трудом открыл глаза и вновь увидел шершавые доски, закрывшие вход. – Чего с вами? – мальчишка дергал меня за руку, и в его голосе уже слышалась тревога. – Да вы ж сейчас на землю брякнетесь! Захворали, что ли?

Я покачал головой и вдруг понял, что в самом деле сейчас упаду. Оставалось сесть у холодной стены, закрыть глаза и больше ни о чем не думать. И вдруг мне вспомнилась женщина на пустой ночной улице. «Оставьте меня! Я не больная… Я мертвая…»

Все-таки я не упал и остался стоять, правда, для этого пришлось уцепиться рукой за твердое сырое дерево. Я даже нашел в себе силы улыбнуться:

– Все в порядке, гражданин Тардье! Скажи, кроме хозяина, здесь кто-нибудь еще жил? Кто-нибудь остался?

Малец задумался.

– Не-а, – наконец изрек он. – Тетка Анна-Мари, супруга ихняя, еще в прошлом году померла, и служанка померла. Двое слуг еще было, они наверху жили, так, когда старого в Консьержери потащили, они со страху небось до самой Мартиники сбежали. А вы кого ищете?

– Никого, – вздохнул я. – Уже никого…

Действие 2
Некий шевалье занят не своими делами, или Кладбище Дез-Ар

Тьма была вязкой, густой, она была всюду, перед глазами плавала чернота, и я исчез, растворился в этой тьме, став ее бессильной частью. Время пропало, исчезли мысли, сгинула боль. Только какое-то странное чувство легким эхом еще отзывалось в меркнущем сознании. Тоска? Разочарование? Думать не хотелось. Тьма скрывала мир, и это приносило облегчение. Долго, долго, почти вечность я оставался наедине с бесконечной ночью, и менее всего хотелось возвращаться обратно – в отвергнувший меня мир, чужой и жестокий…

Этот мир не исчез. Самым краешком, каким-то маленьким уцелевшим обрывком сознания я понимал, что лежу на кровати, на жестком плотном покрывале, рядом – прямо на полу – черной грудой сброшен плащ, в окно струится неяркий солнечный свет, но все это было очень далеко, за темнотой. Уже утро, я пролежал так весь день и всю ночь, не сняв камзола, даже не сбросив туфли. Впрочем, ни эта комната, ни это холодное утро уже не имели ко мне никакого отношения.

Я слышал и голоса. В коридоре шумели, кто-то громко спорил возле самой двери, затем, кажется, послышался легкий скрип. Сознание – тот жалкий обрывок, что еще оставался у меня, – фиксировало происходящее спокойно и равнодушно. Да, дверь скрипнула, кто-то стал на пороге, кто-то вошел и остановился у моей кровати…

Меня позвали, но это было не мое имя. Звали другого – того, к которому я не имел отношения. Не имел. Не хотел иметь…

– Гражданин Шалье! Гражданин!

Кто-то потряс меня за плечо – и внезапно тьма исчезла. Я ощутил боль – и страх. Снова… Снова меня не хотят оставить в покое…

– Гражданин Шалье!

Того, кто стоял надо мной, я никогда не встречал. Крепкий чернявый парень в модном сюртуке, глаза внимательные, настороженные… Он не один – кто-то сидит в кресле в дальнем углу.

– Вы что, с открытыми глазами спите?

Тон был спокойным, но в этом спокойствии проблескивали искры нетерпения. Я вздохнул. Что ж, национального агента Шалье все-таки нашли. Сейчас лучше всего признаться – и тогда все кончится по-настоящему. Дважды не умирают, но эти двое найдут способ избавить меня от необходимости оставаться в этом мире. Они мастера – мастера Смерти…

Я невольно улыбнулся – и внезапно замер. Нет, я напрасно роптал! Я не смог узнать, что ждало меня в «Синем циферблате», но оставался еще один путь. Я попытаюсь понять, кем я был! И тогда дорога обязательно приведет к тому, что еще держало меня на земле! Они ищут Шалье – а я буду искать…

– Доброе утро, граждане!

Я не спеша встал, поправил камзол, провел руками по волосам. Да, в комнате двое, дверь плотно закрыта, плащи гостей брошены на спинки стульев, а тот, второй, что обосновался в дальнем углу, сидит, почему-то отвернувшись.

Я подошел к тазу, плеснул в лицо воды и долго вытирался толстым льняным полотенцем. Наконец вновь поправил волосы и присел на кровать.

– Я, кажется, не приглашал вас, граждане!

Чернявый, похоже, слегка растерялся, но тут послышался голос того, второго, – негромкий, чуть дребезжащий:

– И были абсолютно правы, гражданин Шалье. Но, к сожалению, гражданин Шовелен, которого вы ждали, не сможет прийти. Он в Западной армии, и, боюсь, надолго. Отныне вы будете работать с нами.

– Амару, – чернявый подал широкую короткую ладонь. – А это – гражданин Вадье.

Гражданин Вадье медленно встал – и я чуть не присвистнул, не хуже юного санкюлота Тардье. Мой второй гость был копией Вольтера – по крайней мере, копией его портрета работы Гудона. Длинный нос, глубоко посаженные маленькие глаза, ехидная усмешка. Правда, этот Вольтер был слегка потолще и помоложе, вдобавок носил большой темный парик, но сходство все же поражало.

Было еще одно существенное различие. Философ не сотрудничал с Комитетом общественной безопасности, а тем более не был его председателем. Вадье, Амару, Шовелен – подписи, стоящие на удостоверении национального агента Шалье.

– Как вы меня нашли?

Гости переглянулись, а я между тем прикинул, что, вероятно, с Шалье сотрудничал отсутствующий здесь гражданин Шовелен. Эти двое с Шалье никогда не встречались. И кроме того, моя вчерашняя гостья, похоже, никак с ними не связана. О «друге» они не догадываются…

– Это было нетрудно, – гражданин Вадье снисходительно усмехнулся. – О вас доложили с Сент-Антуанской заставы. Остальное, как вы понимаете…

– Мы знали, что вы – человек очень осторожный, – быстро заговорил чернявый Амару. – Значит, вы постараетесь достать новые документы. Легче всего вам это сделать в Сен-Марсо…

– Поэтому мы отдали приказ проверить все гостиницы и пансионы, дабы установить, кто из новых постояльцев предъявил гражданское свидетельство, выданное секцией 10 Августа. – Вадье покачал головой. – К сожалению, эта работа заняла чуть больше времени, чем я думал. Наши люди, увы, не всегда расторопны…

Я кивнул, еле удержавшись от ответной усмешки. Всесильный и всевидящий Комитет Вольтера в черном парике искал меня больше двух суток. «Друг» справился с этим за пару часов.

– Итак, гражданин Шалье… – Амару выжидательно поглядел на меня, затем на гражданина Вадье, но оба мы молчали. Поэтому чернявый заговорил сам: – Мы понимаем, вы хотели бы отдохнуть. Вы это, конечно, заслужили, гражданин Шалье. Работа, которую вы вели в Лондоне и Кобленце, а особенно в Лионе, выше всяких похвал. То, что вы сумели уничтожить Руаньяка, – это настоящий подвиг…

– И если гражданин Шалье пожелает, в его честь будет устроено празднество с общественным обедом и шествием к храму Разума, – гражданин Вадье хихикнул и потер руки. – Если хотите – увенчаем вас лавровым венком. Можно – пальмовым…

– А дубовым? – охотно отозвался я. – Как в Древнем Риме?

В ответ – довольное хихиканье. Гражданин Вадье почесал кончик длинного носа и откинулся на спинку стула:

– В Древнем Риме, гражданин Шалье, дубовым венком награждали за спасение товарища в бою. Вы же отправили Руаньяка, который считал вас своим товарищем, аккурат на эшафот.

Я вздрогнул. Шкура национального агента Шалье показалась мне внезапно свинцовой.

– Эшафот был построен напротив Лионской биржи. Над нею повесили трехцветный флаг, а рядом – черный…

Слова вырвались сами собой. Я видел это! Нет, не я! Видел тот, кем я был прежде. Красивое двухэтажное здание, построенное совсем недавно, с лионским гербом над крышей. Герб, впрочем, был тоже завешен черным…

– Помню! – Вадье кивнул. – Я ведь тоже жил когда-то в Лионе, гражданин Шалье. Но этого здания уже нет. Гражданин Кутон приказал снести его в первую очередь.

Снести? Что за глупость! Зачем? Но я тут же вспомнил. Французская Республика, Единая и Неделимая, постановила: город Лион будет уничтожен до основания!

– Кстати, вы были правы, – в разговор вновь вступил гражданин Амару. – Помните, в последнем докладе вы предсказали, что армия Святого Сердца постарается скрыть смерть Руаньяка? Поэтому мы и решили казнить его привселюдно, но… Но сейчас этой шайкой снова командует какой-то Руаньяк!

Я вспомнил рассказы, слышанные от славных бойцов роты Лепелетье. Маркиз де Руаньяк умел появляться в двух местах одновременно, уходить из любых ловушек. Теперь, похоже, он решил обмануть саму Смерть!

– Но это ничуть не умаляет вашей заслуги, – подхватил Вадье. – Настоящий Руаньяк мертв – и это главное. Мы избавились от очень опасного врага. Вы сами писали гражданину Шовелену, что Руаньяк – страшнее Вандеи, страшнее даже Кобленца. Лион показал, что вы правы.

Я старался смотреть в сторону, чтобы проницательный старик не перехватил мой взгляд. Успокаивало лишь то, что настоящий Шалье, скорее всего, мертв, как и преданный им Руаньяк. Как и я сам…

– Надеюсь, мы вам достаточно воздали хвалу? – гражданин Вадье сцепил на колене длинные узловатые пальцы и вновь усмехнулся. – Или продолжить?

Я покачал головой. Этот разговор пора заканчивать. Ведь меня могут спросить о том, что знал настоящий Шалье!

– Мы хотели бы узнать… – Амару встал, прошелся по комнате. – Вы ведь были рядом с Руаньяком почти до самого конца, он вам верил… Как он оценивал то, что случилось в Лионе? Я имею в виду, неудачу восстания…

– Почему – неудачу? – Слова вновь вырвались сами собой, и я сообразил, что знаю ответ. Я помнил! Неизвестно откуда, как, но помнил!

Внезапно захотелось курить. Я подошел к столу, раскрыл коробку с папелитками и тут же заметил удивленный взгляд старика. Похоже, гражданин Шалье курил что-то другое. Или вообще не курил. Впрочем, привычки могут меняться. Я с удовольствием затянулся, присел и, помолчав, начал. Слова рождались одно за другим – не приходилось даже задумываться.

– Лион – не поражение. Это блестящий успех антиякобинских сил. Впервые удалось объединить всех, от бриссотинцев до роялистов, под единым – белым – знаменем. Это – первое…

Амару осторожно присел на стул и замер. Я едва сдержался, чтобы не усмехнуться ему в лицо.

– Хочу напомнить, лионское восстание никто не готовил. Оно вспыхнуло само собой, из-за нелепых выходок местных якобинцев – таких, как Шалье Лионский. И армию Святого Сердца позвали на помощь только через месяц. И все же удалось почти на полгода задержать у Лиона целую республиканскую армию. Под влиянием Лиона восстали Марсель и Тулон. Тулон, по-моему, до сих пор не капитулировал…

Меня слушали затаив дыхание. Странно, ни о чем подобном я не думал – и не вспоминал. Сейчас вместо меня говорил кто-то другой…

– Это – второе. Восстания в Лионе, на юге и, конечно, в Вандее на целый год лишили Республику возможности вести наступательные операции на внешнем фронте. Это – третье. Третье, но не главное…

Наверно, следовало замолчать – говорить такое гражданам инквизиторам было опасно. Но мне не хотелось останавливать того, другого. Он говорил из могилы – и пусть эти двое, считающие себя победителями, послушают!

– Лион – это опыт! Удачный опыт единого антиякобинского фронта. И этот опыт будет применен в ближайшее время, но уже не в Лионе, не в Нанте, а непосредственно в Париже.

Если армия Святого Сердца сумела объединиться с добрыми лионцами, то почему бы не сделать этого же с добрыми парижанами?..

Я перевел дыхание и на миг прикрыл глаза. Тот, кто подсказывал мне из-за черной пелены, мог быть доволен. Я стал его голосом. И, кажется, этот голос здорово напугал моих незваных гостей!

– Мы догадывались… – Вадье сжал тонкие бесцветные губы и покачал головой. – Я говорил еще в сентябре… Но в Париже не осталось сторонников Бриссо – об этом Комитет позаботился.

– Но есть другие, – я вновь еле удержался от усмешки. – Кто такие бриссотинцы? Болтуны, краснобаи – и трусы. А вот если против якобинцев выступит голытьба Сент-Антуана… И совсем не обязательно, чтобы знамя было белым. В Лионе тоже вначале подняли красное. Не так давно якобинцы сумели натравить голытьбу на бриссотинцев. А ведь те были виновны лишь в том, что стояли у власти. У власти, которая не могла снабдить народ хлебом. Хлеба, кажется, по-прежнему не хватает…

– Санкюлотский бунт, – тихо проговорил Амару. – Санкюлоты под белым флагом… Какой ужас!

– Вы правы, – Вадье вздохнул. – Беднота уже сейчас готова разорвать любого, кто чисто одет и ездит в экипажах. Вчера толпа напала на одного молодого человека. Бедняга только что сшил себе новый редингот. Ему оторвали руки. Не отрезали, не отрубили – оторвали! О гражданке Мерикур[22] вы, наверно, уже знаете… А впереди – зима, хлеба уже сейчас не хватает…

– А кое-кто из наших товарищей спешит подлить масла в огонь! – резко бросил Амару. – Эбер в каждом номере предлагает резать богатых, этот сумасшедший Ру даже из тюрьмы призывает к восстанию, и даже гражданин Шометт… А ведь он – прокурор Коммуны! Мы не можем заставить его замолчать!

– Руаньяк прав, – перебил Вадье. – Его агентуре есть чем заниматься в Париже. Но мы примем меры, обязательно примем! Второго Лиона не будет!

Теперь мы, все трое, молчали. Стало слышно, как скрипят повозки за окнами, как мамаша Грилье распекает кого-то из «граждан коридорных». Я тоже молчал, не зная, что делать. Почему-то думалось, что удастся узнать нечто важное о себе самом. Не о Руаньяке, погибшем на гильотине, не об исчезнувшем шпионе Шалье, а о том, кто встретил смерть по имени Бротто. Но надежда обманула…

– Поэтому вы останетесь на нелегальном положении, – Вадье грустно усмехнулся. – Мы ведь действительно хотели рассекретить вас и ввести в состав Комитета. Так что насчет праздника в вашу честь я почти что и не шутил. Но сейчас началось что-то странное в самом Комитете. Вы нам понадобитесь в ином качестве… Гражданин Амару, расскажите.

Амару кивнул, на минуту задумался и затем заговорил – быстро, но четко, словно актер, хорошо выучивший роль. В его речи прорезался странный акцент. Я на миг задумался и понял – пикардийский. Чернявый откуда-то с запада…

– Это связано с ликвидацией Ост-Индской компании, гражданин Шалье. Вы, наверно, знаете, в октябре Конвент принял декрет…

Внезапно я потерял всякий интерес к разговору. Какое мне дело до интриг, заговоров, всей этой бесполезной суеты? Все, что можно узнать у этих двоих, я уже узнал. Кажется, я не просто защищал Лион в рядах армии Святого Сердца. Я знал маркиза де Руаньяка, слышал его голос, он доверял мне. И я видел его гибель на гильотине – на площади у Лионской биржи. Перед тем, как сам встретился со смертью по имени Бротто…

---

[22] Мерикур – дама «полусвета», известная революционерка. Была избита толпой санкюлотов, сошла с ума.

Однако приходилось слушать. Может, рассказ чернявого натолкнет на какую-то ниточку, на еле приметный следок. Но имена были незнакомы, а вся история напоминала дешевый авантюрный роман.

Еще в октябре – Амару, к счастью, называл месяцы по-старому, без всяких нивозов и брюмеров, – Конвент принял решение ликвидировать знаменитую Ост-Индскую компанию, причем на самых выгодных условиях. Дело прошло почти незамеченным, но 14 ноября, то есть совсем недавно, депутат Шабо выступил в Конвенте, заявив, что ликвидация компании – это афера, на которой нажились не только ее хозяева, но и многие депутаты, получившие немалые взятки. Шабо обвинил многих – и «левых», соратников Эбера, и «правых» – друзей Дантона – Делоне и Фабра д'Эглантина. А главное, он сообщил, что за всем этим стоят роялистские заговорщики барон де Батц и банкир Бенуа. Особо досталось Комитету общественной безопасности, который якобы все знал, но ничего не предпринял…

– А вы действительно знали? – поинтересовался я, глядя на взволнованного гражданина Амару. Тот пожал плечами:

– Шабо приходил ко мне накануне. Я велел ему молчать. А что мне было еще делать? Этот дурак… Если он, конечно, дурак…

Я понял и усмехнулся.

– Так это была ваша операция?

– Ну конечно! – чернявый махнул рукой. – Такое проделывалось не в первый раз! Нам нужны были деньги на специальные операции. Дантон нам помог – он впервые провернул нечто подобное еще год назад. Де Батц через этого банкира должен был реализовать фонды компании в Англии и Швейцарии. Де Батц, конечно, негодяй, но не признаваться же в Конвенте, что он наш сотрудник! Ну а в результате…

– А в результате, – неторопливо заговорил гражданин Вадье, недобро кривя узкие губы, – в результате операция сорвана, скомпрометирована масса народу, де Батц перепугался и ударился в бега. Наш Комитет под ударом… Кто выиграл?

– Тот, кто остался чистым, – предположил я.

Амару хмыкнул:

– Таких мало. Правда, есть один человек… Именно к нему побежал Шабо, когда я отказался арестовать де Батца. Именно этот человек велел ему выступить в Конвенте. И сейчас он… этот человек… требует провести самое тщательное расследование. Скорее всего, арестуют Делоне, возможно – д'Эглантина. Эбер ходит белый и пытается оправдываться. Эбер! Никогда его таким не видел. А этот…

– Не он один, – негромко добавил Вадье. – Никто из его Комитета не затронут. Очень красиво получилось…

Меня не тянуло разгадывать ребусы, но тот, кто подсказывал мне, решил эту несложную задачку и продиктовал ответ. Ответ был прост. «Чистым» оказался Комитет общественного спасения и его председатель. Тот, чья подпись стояла первой на документе национального агента Шалье. Гражданин Максимилиан Робеспьер, давно уже невзлюбивший как Эбера, так и Дантона, а заодно и своих «братьев» из конкурирующего Комитета безопасности. Да, действительно красиво получилось! Но я-то тут при чем?

– Выход один, – продолжал Амару. – Найти де Батца и уговорить его дать показания перед Конвентом. Ни мне, ни другим не поверят – мы ведь в списке гражданина Шабо. Но де Батц боится. Ведь если в этом случае он выполнял наш приказ, то за иные грехи ему не оправдаться. Он слишком замаран…

– Агент-двойник, – понял я, и Амару согласно кивнул:

– Даже хуже. Де Батц – авантюрист, он торговал информацией налево и направо. Говорят, барон связан даже с организацией д'Антрега. Но нам он бывал очень полезен…

– Найдите де Батца! – Черный парик гражданина Вадье дрогнул. – Вы же знаете его еще по Лондону! Найдите – и уговорите дать показания…

– Обещайте ему безопасность! – подхватил Амару. – И деньги – сколько он хочет. Впрочем, что ему обещать, вы сами знаете.

Я знал этого барона? Нет, его знал не я, его знал национальный агент Шалье! Но фамилия показалась почему-то памятной. Может, и я прежний был знаком с этим авантюристом? И он тоже знал меня – настоящего?

– Он прячется, но, скорее всего, появляется иногда в «Фарфоровой голубке» – это неподалеку, секция Пик, – продолжал Амару. – Барону некуда деваться из Парижа, его приметы известны всем заставам. Постарайтесь управиться побыстрее…

– И соблюдайте осторожность, – заключил Вольтер в черном парике. – Лучше всего днем не выходить из гостиницы.

– А в Оперу сходить можно? – самым невинным тоном поинтересовался я.

Гости переглянулись, и на губах гражданина Вадье я заметил знакомую усмешку.

– Ну конечно, вы же любитель оперы! Гражданин Шовелен рассказывал… Нет, в Оперу лучше не ходить. По крайней мере, пока. Никто, кроме нас, не должен знать, что вы в Париже.

Я покорно кивнул, окончательно убедившись в любопытном обстоятельстве. Эти двое не знали о «друге», не знали о третьей ложе в Опере, не знали о приглашении…

Гости уже откланивались, причем гражданин Амару вновь попросил поторопиться с розысками де Батца, обещая заглянуть через пару дней. С трудом дождавшись, пока дверь закроется, я извлек из коробки новую папелитку и закурил, пытаясь привести мысли в порядок. Все не так уж и плохо. Занятые своими интригами, граждане из Комитета общественной безопасности сами подсказали, по какой дороге идти. Дороге, которая оборвалась у «Синего циферблата»…

Спешить я все же не стал. Даже если я найду де Батца… Интересно, почему они уверены, что мне это по силам? Наверно, национальный агент Шалье неплохо знал не только барона, но и его укрытия в Париже. Но я ведь не Шалье! Если де Батц знает меня прежнего, то, возможно, постарается любой ценой избежать этой встречи…

Так ничего и не решив, я спустился вниз – и столкнулся нос к носу с мамашей Грилье. Деваться было некуда. Пришлось выслушивать упреки за то, что я ее изрядно напугал, ибо целый день не выходил из комнаты и даже на стук не отзывался. И если бы не добрые граждане, сумевшие таки до меня достучаться, пришлось бы ломать дверь, поскольку ее долг, как хозяйки, бдить, дабы с гражданами жильцами ничего скверного не сотворилось, а равно чтобы упомянутые граждане сами не сотворили чего во вред Революции. При этом мадам Вязальщица поглядывала на мою скромную персону с явным недоверием. Спасло лишь то, что приближалось время очередной «связки» и мамаша Грилье спешила на площадь Революции, где ее почтенные товарки уже заняли ей место у самого эшафота.

Нам было не по дороге. Немного подумав, я покинул «патриотическую» гостиницу и, поймав фиакр, попросил отвезти себя туда, где добрые парижане могут приодеться. Как выяснилось, лучше всего это сделать в Пале-Рояле, то есть, конечно, не в Пале-Рояле, а во Дворце Равенства, где модные лавки по-прежнему к услугам тех, у кого в кармане имеются не только бесполезные бумажные ассигнаты.

Я подобрал себе новенький редингот, галстук и темную шляпу. Заодно купил трость и монокль, который смотрелся все же приличнее, чем очки. Добродетельный буржуа из провинции исчез, а вместо него на меня из тусклого зеркала глядел пресыщенный жизнью щеголь, брезгливо щурившийся через круглое стеклышко монокля. Что ж, в этаком виде вполне можно и заглянуть в Оперу. Сделать это надо, ибо я не был там уже два вечера. Пустующая ложа может вызвать у моего «друга» вопросы, а объясняться еще и с ним никак не хотелось. Хотя бы потому, что «друг» наверняка знает настоящего Шалье. Правда, он мог не утерпеть и лично

заглянуть в Оперу. Оставалось надеяться, что тот, кто не советовал мне пить «яд свободы», по-прежнему очень занят.

В этот вечер давали «Ипполита и Арисию» Рамо, и народу у ярко освещенного здания Оперы оказалось куда больше, чем два дня назад. Я с трудом пробился в роскошное, отделанное золотом фойе – и тут же понял, что уже бывал здесь. Когда, с кем – память молчала, но я помнил эти стены, расписной потолок, широкие марши ярко освещенной мраморной лестницы. На душе стало горько, и я еле сдержался, чтобы не уйти обратно, на темную площадь. Я был, я радовался жизни, я ходил в Оперу…

Конечно, я бывал не совсем в этой Опере. Очевидно, в прежние времена фойе не портили огромные лупоглазые бюсты Марата и Лепелетье, равно как трехцветная тряпка над лестницей. Такие же бюсты я заметил в зале, который был прекрасно виден из третьей ложи. Ложа, как мне и было обещано, оказалась записанной на имя гражданина Франсуа Люсона, причем, несмотря на переполненный зал, три места из четырех пустовали.

Я ждал увертюры, но оркестр внезапно заиграл «Марсельезу». Очевидно, без этого в столице Республики не обходились даже в Опере. Зал встал, но тут же послышались шиканье и свистки. Похоже, далеко не вся публика восхищалась творением артиллерийского капитана Руже ле Лиля. Но оркестр доиграл «Марсельезу» до конца и только после этого взялся за Рамо.

Музыку я тоже помнил. Вернее, узнавал. Я слышал эту оперу и даже мог припомнить сюжет. В Афинах правит престарелый Тезей. Его жена, развратная Федра, хочет погубить своего пасынка Ипполита, но у того есть невеста – верная Арисия…

Постепенно все исчезло. Музыка захватила, унесла с собой, и я уже не видел и не слышал ничего, кроме того, что происходило на близкой сцене. Нет, сцена тоже исчезла, я был там, в далеких Афинах, где безумный Тезей проклинает своего невиновного сына и ничто – даже любовь Арисии – не может спасти юношу…

На сцене вновь была Федра – торжествующая, уверенная в себе. Федра – воплощенное зло, ее ярко нарумяненное лицо – словно лик Смерти… Я прикрыл глаза – и вдруг понял, что в ложе я не один. Кто-то сидел рядом. Я осторожно повернулся – и увидел веер. Яркий веер, которым та, что сидела рядом, прикрывала лицо. Затем веер исчез, и на меня взглянула бархатная маска. На незнакомке было роскошное, хотя и несколько старомодное платье, но, странное дело, ни на шее, ни на пальцах я не заметил украшений.

Я хотел что-то сказать, но тонкий палец прикоснулся к губам. Я кивнул – очевидно, Бархатной Маске хотелось дослушать первый акт до конца.

А конец уже близко. На сцене гонец, принесший весть, которую с нетерпением ожидает Федра. Колесница Ипполита опрокинулась – царевич мертв. Проклятье отца сбылось…

В зале уже горел свет, а я все медлил, не решаясь повернуться. Сейчас вновь придется играть чужую роль. Зачем я это делаю? Мертвец играет мертвеца – такого не увидишь даже в Опере!

Когда я наконец повернулся, ложа оказалась пуста. Удивившись, я вышел в фойе, но женщина в маске исчезла. Похоже, она и не собиралась говорить со мной. Достаточно и того, что «друг» узнает о моем появлении. Конечно, богатое платье и маска меняют человека, но не узнать ту, что навестила меня в гостинице, было трудно. Я вспомнил, что на женщине не было украшений, и невольно усмехнулся. Похоже, «друг» верен себе. Если шампанское – «яд свободы», то браслеты – не иначе как «кандалы».

Начало второго акта я помнил. Мертвый Ипполит недвижно застыл на смертном ложе, и так же недвижна фигура Арисии, припавшей к груди мертвеца. Слезы уже выплаканы, девушка замерла, не в силах вымолвить ни слова…

И вот снова Федра. Царице мало смерти Ипполита. Ее ненависть не угасла. Еще жива Арисия – из-за любви к ней молодой юноша отверг домогательства мачехи. И теперь Федра

собирается рассказать ей все. Рассказ длится долго, но Арисия молчит. Царица удивлена, она начинается злиться, но девушка не произносит ни слова…

Внезапно я подметил одну странность. В первом акте я почти не прислушивался к словам, но теперь убедился, что текст, явно мне знакомый, стал каким-то другим. Наконец я понял. «Цари» и «царицы» исчезли. Вместо этого на сцене появились «градоправитель» и «градоправительница». Выходит, Республика, Единая и Неделимая, позаботилась обо всем, даже о «чистоте» либретто. Впрочем, опера не стала от этого хуже. Великое творение Рамо осталось таким же прекрасным. Прекрасным – и страшным.

…Федра уходит – и Арисия встает. Руки воздеты к Небу, молчаливому Небу, допустившему преступление. Голос девушки звенит, моля о справедливости. Этого не должно быть! Это не должно было случиться…

Мне подумалось, что на этом лучше бы все и закончить. Все и так ясно – справедливости нет на земле, и едва ли она есть даже на Небе. Еврипид и Корнель написали о безвинной гибели одного молодого парня. Республика, Единая и Неделимая, губит таких парней «связками» – и Небо молчит…

Впрочем, Небо не молчит. Гремит гром, молнии прорезают сцену, и Великий Зевс изъясняет свою волю. Злодейка Федра будет покарана, а несчастный Ипполит – безвинная жертва преступной страсти – вновь возвращен к жизни. Появляется Deus ex machinae – Зевсов сын Асклепий – и волшебным жезлом прикасается к груди бездыханного Ипполита…

Музыка гремела, преступную Федру волокли в темницу, Тезей прозревал, а Арисия обнимала воскрешенного Ипполита. Хор пел о справедливости, о каре, которая неизбежно постигнет злодеев, а мне внезапно стало скучно. Так не бывает! Погибшие не возвращаются. Даже если они вновь появляются среди живых, они остаются мертвыми, и им ни к чему уже любовь и преданность. Да и не спешат боги восстанавливать справедливость. Греки знали это, в давнем мифе говорилось совсем о другом – Асклепий воскресил царевича против воли Зевса. И молния сожгла того, кто преступил закон Неба. Ипполит – живой ли, мертвый – исчез, погибла Федра, погиб Тезей. А несчастная Арисия – была ли она вообще?

На этот раз в кофейне «Прокоп» было людно. За столиками не оказалось свободных мест, и я с трудом протолкался к стойке. Хозяин, рассылавший «мальчиков» налево и направо, тут же заметил меня и ухмыльнулся:

– Рамо слушали, гражданин? Вам крепкий? Без сахара?

Память у него была неплохая.

– Без сахара, – согласился я. – Очень крепкий.

Наследник достойного Прокопа кивнул, что-то шепнул очередному «мальчику» и вновь повернулся ко мне:

– Ну и как вам постановка?

– Градоправительница Федра хороша, – усмехнулся я. – А «Марсельеза» еще лучше.

– Сильно свистели?

– Не очень. Больше шикали.

– Ну, это ничего, – подытожил хозяин. – Да вы садитесь, гражданин! Вон, место освободилось!

Действительно, одно место за маленьким столиком у окна было свободно. Я поблагодарил и хотел последовать его совету, но хозяин предостерегающе поднял руку:

– Только вы с тем парнем… что за столиком… поосторожнее. Не в себе он.

Странно, тот, кто сидел у окна, никак не производил такого впечатления. Статный черноволосый парень в прекрасно сшитом сюртуке, пышный галстук завязан по последней моде.

– Шарль Вильбоа, – шепнул хозяин. – Журналист. Вы с ним не разговаривайте! У него три дня назад погибла невеста. Так что вы лучше…

Я кивнул. На душе было скверно. Еще одна смерть. Бедный гражданин Вильбоа!

Кофе оказался еще крепче, чем в прошлый раз, вдобавок настолько горячий, что приходилось пить мелкими глотками. Внезапно захотелось курить. Я достал папелитку и нерешительно поглядел на соседа:

– Разрешите?

Последовал кивок, и я с удовольствием закурил, стараясь не смотреть в сторону черноволосого парня.

– Вас тоже предупредили?

Голос гражданина Вильбоа был совершенно спокойным, но это спокойствие сразу же показалось каким-то ненастоящим, словно стеклянным.

Я не стал переспрашивать.

– Предупредили.

– Да, наш хозяин – чуткий человек, – по неподвижному бледному лицу мелькнула горькая усмешка. – Лучше бы молчал! Мы бы тогда могли побеседовать с вами о том, что граждане актеры сотворили с Рамо и почему плох второй акт. Вы бы не чувствовали неловкости, а я… Я мог бы просто поговорить.

Он хотел ненадолго забыться. Нет, не забыться – просто отвлечься.

– А вы говорите, сударь! Если хотите, можно и о Рамо…

Он покачал головой, явно пропустив мимо ушей контрреволюционное «сударь».

– Рамо солгал. Вернее, не он, а господин Корнель. Мертвых не вернешь…

Оставалось согласиться, но я ограничился коротким кивком.

– Впрочем, в нынешнем Париже даже Асклепий не смог бы помочь. Она погибла на гильотине…

Я понял. Впрочем, о чем-то подобном я догадывался с самого начала.

– А ведь она была просто актрисой!

– А Мария-Антуанетта была просто Королевой Франции! – не выдержал я.

Гражданин Вильбоа чуть заметно прищурился, его большие, глубоко посаженные глаза потемнели, став совсем черными.

– Вы правы… Мария-Антуанетта была просто Королевой. А Мишель – просто актрисой Королевского театра, не пожелавшей перейти на сторону гражданина Тальма. Вы знаете, что такое «черная эскадра»?

Этого я не знал, но гражданин Вильбоа не стал пояснять. Впрочем, я и так помнил. Актеры бывшего Королевского театра отправлены в тюрьму Маделонет. Актрисе, которую звали Мишель, повезло еще меньше.

– Вот, – на стол лег небольшой медальон. – Ее портрет. Извините, всем показываю. Не знаю почему…

Я нерешительно взял медальон в руки. Почему-то мне очень не хотелось его открывать. Но я понимал этого несчастного парня.

…Актриса по имени Мишель улыбалась мне с маленькой, прекрасно выписанной миниатюры. Высокая прическа украшена трехцветной лентой – очевидно, портрет выполнен совсем недавно. Я взглянул на молодое, беззаботное лицо, и вдруг мне почудилось – с портретом что-то не так. Да, определенно не так! Художник о чем-то забыл…

– У нее на лице была родинка, – вырвалось у меня. – На левой щеке!

Шарль Вильбоа равнодушно кивнул:

– Да. Родинка ее ничуть не портила, но художник рассудил иначе… Вы видели ее спектакли?

Почему я не сказал «да»? Господи, почему я не сказал «да»?

– Нет, – выдохнул я, понимая, что не должен этого делать. – Я видел ее не там…

«Оставьте меня, сударь! Я не больная… Я… Я мертвая».

Лицо на портрете было совсем иным. Та, что я встретил у серой кладбищенской стены, не улыбалась, у нее не было трехцветной ленты в волосах, но это была, без сомнения, она. Актриса бывшего Королевского театра по имени Мишель.

– Простите, господин Вильбоа, за такой вопрос… У вашей невесты есть сестра? Или близкая родственница, очень на нее похожая?

Молодой человек покачал головой, и я решился. Вдруг – чудо? Вдруг – девушка жива? Значит, ей нужна помощь, а кто же поможет ей, приговоренной Революционным Трибуналом?

– Господин Вильбоа, два дня назад я видел девушку, очень похожую на вашу невесту. Я встретил ее около десяти вечера на Кладбищенской улице…

– Там, где кладбище Дез-Ар… – тихо проговорил Вильбоа.

– Да.

Лицо парня оставалось прежним, но я догадывался, чего стоит ему это спокойствие. Наконец он поднял голову:

– Мишель… Ее отвезли на это кладбище. Родители уговорили выдать тело. Там, на кладбище, кажется, мертвецкая… Завтра должны быть похороны.

Я молчал – говорить было нечего. Кажется, мне уже приходилось слыхать о мнимо умерших, похороненных заживо, тех, кто просыпается в душной могильной темноте. Но всем им не рубили голову «национальной бритвой».

– Понимаю, что вы можете думать, – наконец заметил я. – Солгать о таком способен лишь последний негодяй. Но я сказал правду. Я пытался помочь этой девушке, но она исчезла. Готов поклясться чем угодно, что два дня назад она была жива. Жива, но очень больна…

Наши глаза вновь встретились, и мне показалось, что я чувствую его боль. Боль, которую невозможно вынести, нельзя выкричать…

– Я вам благодарен, сударь, – голос Шарля был ровен и спокоен. – Я вам верю. Вероятно, какая-то несчастная заблудилась ночью…

– Да, конечно, – я поспешил встать. – Извините, что так не вовремя заговорил.

Не став ждать ответа, я поклонился и поспешил покинуть шумное кафе. На душе было скверно, словно я и вправду солгал несчастному парню…

За окном стоял сырой холодный туман, сквозь который еле заметно светили неяркие фонари, а я все не мог заснуть. Папелитки в деревянной коробке быстро подходили к концу. Завтра – еще один день. Трое суток я уже в Париже, но так и не смог даже приблизиться к разгадке. А все казалось так просто – найти «Синий циферблат», поговорить с хозяином…

Впрочем, возможно, и это ничего бы не решило. Вполне вероятно, покойный папаша Молье просто не узнал бы меня. В этом кабачке могло быть место встречи – не больше. Да, иначе не получалось. Кабачок – не гостиница, там не спрячешься. А может, все было совсем по-другому?

Гадать не имело смысла. Эта страница перевернута, осталось прочитать следующую. А что на ней написано, подсказали почтенные граждане из Комитета общественной безопасности. Де Батц! Двойной агент, авантюрист, торговец чужими тайнами, специалист по грязной работе. Да, я знал его! Что-то связывало нас, и уж, конечно, этот штукарь сможет многое вспомнить. Возможно, я бывал в Париже, встречался с ним, о чем-то беседовал…

Но пасьянс складывался плохо. Де Батцу незачем откровенничать со мной. Он и встречаться не станет – ведь по его неглупой голове плачет «национальная бритва»! Надо быть полным дураком, чтобы поверить обещаниям гражданина Вадье. Итак, де Батц скрывается и ни на какой разговор не пойдет.

Я подошел к окну и долго смотрел в туманную серую мглу. Наверно, я все-таки великий грешник. Что же я сделал такого, что меня не отпускают с отвергнувшей меня земли? Праведникам обещан рай, грешникам – ад… Что обещано мне? Еще недавно я думал, что это встреча

в «Синем циферблате». Но, выходит, придется пачкать руки о господина де Батца? Какое мне дело до всей это возни? Зачем я здесь?

Туман, клубившийся за окном, внезапно подступил к самым стеклам, затем мягко, беззвучно начал заполнять темную комнату, неся с собой промозглый холод. Исчезли стены, оконные переплеты, исчез я сам. Остались лишь тени – как тогда, у дороги, но теперь я знал: выхода нет, сейчас подует ветер – такой же холодный, зимний, – и меня унесет куда-то прочь, в вечное путешествие без смысла и цели. Тень, не нашедшую покоя…

Я зажмурился, схватился за холодную стену, стараясь не упасть. Нет, нет, нет! Кем бы я ни был, кем бы ни стал теперь – сдаваться нельзя. Иначе я действительно навек потеряю себя – как та несчастная девушка у серой кладбищенской стены…

Я сел к столу, зажег свечу и нашарил на дне коробки очередную папелитку. Спорить не с кем, и некуда жаловаться. Мне надо найти де Батца. Значит, я его найду!

Слабость отступила, и я вновь, фраза за фразой, принялся вспоминать разговор с двумя почтенными якобинцами. Итак, де Батц скрывается. В «Фарфоровой голубке» его, скорее всего, не будет, но там есть некто, всегда готовый передать барону весточку. Но как уговорить де Батца встретиться? Никакой человек в его положении не решится…

И тут меня осенило. Ну конечно! Барон не станет рисковать и встречаться с национальным агентом Шалье! Но ведь если мы с ним были знакомы, то он знал меня…

Я еле удержался, чтобы не ударить кулаком по столу и не расхохотаться. Господи, как все просто! Если бы и все прочее было этому под стать!

Вполне довольный собой, я принялся расстегивать рубашку, желая как следует выспаться перед завтрашним днем, но внезапно остановился. Что-то не так. Я что-то не сделал. Или что-то сделал неправильно…

Что? Я начал быстро вспоминать. «Друг», граждане Амару и Вадье, мадам Вязальщица, поход в Оперу… Да, Опера! Я в чем-то ошибся! Может, следовало заговорить с Бархатной Маской? Нет, нет, тут все правильно… Значит, что-то другое? Кафе «Прокоп», чашка горячего горького кофе…

Да, чашка горячего кофе, красивая фаянсовая чашка с изображением морских корабликов. Я ошибся. Я не должен был рассказывать этому парню… Но ведь он не поверил мне!

Я горько усмехнулся. Конечно, не поверил! В такое не поверишь… Но он все равно пойдет туда! Пойдет в безумной надежде, которая сильнее разума, сильнее логики…

Еще не обдумав ничего до конца, я начал быстро одеваться. Редингот ни к чему, значит, плащ, шляпа с трехцветной кокардой… И бумаги – все, что у меня есть. Ночью фиакр не поймаешь, но до Дез-Ар меньше получаса ходьбы.

Кладбищенская была пуста, даже фонари не горели, отдав улицу во власть холодной сырой мглы. Тучи стали ниже, и в воздухе вновь закружились снежинки. Я быстро огляделся, никого не заметив, и пошел вдоль серой стены. Вот место, где я встретил несчастную. Сегодня здесь было пусто, тонкий слой снега лежал нетронутый, и я понял, что тут за последние часа два никто не проходил. Может, я зря волнуюсь? Даже если Шарль Вильбоа решил прийти сюда…

Нет, он придет не сюда! Кладбище Дез-Ар! Там, в мертвецкой, лежит та, чей портрет он мне показывал.

Я вновь оглянулся, прикидывая, где могут быть кладбищенские ворота. Стена тянулась вправо и влево, теряясь в снежной дымке, и я понял, что искать придется долго. Оставалась ограда.

Я попытался подпрыгнуть, но каменщики постарались на совесть. Ограда была высока – куда выше моего роста. Поймать руками край стены не удалось. Я чертыхнулся, попробовал снова – без толку. Решив, что все-таки придется искать ворота, я быстро двинулся вниз по улице и вдруг увидел дерево. Высокое, старое, стоявшее почти впритык к ограде.

Остальное оказалось несложным. Вскоре я был уже наверху. Сев на холодный камень, я заглянул за стену. Там тоже был камень – долгие ряды старых надгробий, саркофагов, крестов, мраморных ангелов, воздевающих глаза к темному небу. Все это покрывал снег, словно мать-природа набросила саван на этот уголок Смерти.

Я спрыгнул вниз – и понял, что совершил ошибку. Все исчезло. Остались лишь несколько высоких надгробий, окруживших меня со всех сторон. Пройти между ними было почти невозможно, разве что протиснуться. Но за ними были новые кресты, новые равнодушные ангелы. Все это тонуло в густом сумраке, а снег падал все гуще, словно я действительно оказался в густом лесу, где не сыщешь ни дорог, ни тропинок.

Я пробирался долго, чертыхаясь на каждом шагу и поминая недобрым словом тех, кого гордыня подвигла на возведение этих каменных лабиринтов. Внезапно я поймал себя на мысли, что нормальный человек в этаком месте да в такое время давно бы вопил во всю глотку от страха. Я поглядел на очередного мраморного идола и горько усмехнулся. Нормальный человек… Интересно, чем можно напугать меня? Если это Царство Мертвых, то я – вполне желанный гость. Даже не гость – подданный. Так сказать, гражданин…

Наконец мне повезло. За очередным саркофагом, на этот раз гранитным, открылась аллея – узкая, покрытая нетронутым белым снегом. Я поглядел по сторонам. Слева – долгий ряд памятников, исчезающий в серой мгле, но справа я заметил какое-то высокое строение. Это мог быть склеп, но я решил рискнуть. Вскоре я понял, что не ошибся. Часовня – старая, с отбитым крестом над острой крышей и изуродованными изваяниями святых слева и справа от входа.

Я ожидал, что на дверях будет замок, но внезапно заметил слабый свет, идущий из глубины. Тут же вспомнились давние байки про нечисть, собиравшуюся ночами в разрушенных храмах. Я еле удержался от смеха, вовремя вспомнив, где нахожусь. Смеяться в таком месте – грех, но рассказы про клыкастых вампиров и ламий с осиными ногами почему-то показались в этот миг неимоверно глупыми.

Дверь скрипнула. Я заглянул в темный проход – свет шел из глубины. Прикрыв створку, чтобы не напустить снега, я шагнул вперед, когда внезапно услыхал какой-то шум. Кто-то стоял совсем близко, сбоку от входа, где тень была особенно густа.

– Добрый вечер! – проговорил я как можно вежливее. – Мне нужен сторож…

– Он спит, гражданин. И предупреждаю – у меня в руке пистолет. Вы стоите на свету, так что постараюсь не промахнуться!

Голос был женский. В нем не слышалось страха, скорее в нем звенел азарт. На миг я почувствовал себя дичью.

– Франсуа Люсон, – отрекомендовался я, решив не делать резких движений. – Стрелять в меня не стоит – это едва ли имеет смысл. Мне нужна помощь, сударыня.

– Меня зовут Юлия Тома, и я буду защищать мои трупы до последнего. А имеет ли смысл в вас стрелять, покажет опыт. До сих пор результаты были положительные. Так что на мою помощь можете не рассчитывать.

Выражение «мои трупы» показалось забавным, если, конечно, в таком месте может быть что-либо забавное. Внезапно до меня дошло – здесь же мертвецкая!

– Мадемуазель, если вы думаете, что я покушаюсь на тела достойных граждан, пребывающих в этом месте, то налицо явная ошибка…

– Подойдите к свету.

Я сделал еще шаг и увидел в глубине часовни несколько высоких столов, на которых мирно пребывали чьи-то останки, прикрытые простынями. Чуть дальше стояло нечто странное, похожее издали на огромные винные бутыли.

– Теперь повернитесь, гражданин.

Я развел руками и повиновался. Осмотр длился недолго. Послышался глубокий вздох.

– Кажется, перепутала… Вы не похожи на гробозора. Но, между прочим, гражданин, можно было и постучать! У входа висит молоток, так что незачем было пугать меня до полусмерти!

– Поверьте, сударыня, это менее всего заметно! – ободряюще заметил я, пытаясь догадаться, кто передо мной. Внезапно меня осенило. – Так, вероятно, вы врач, мадемуазель Тома?

– Только не «мадемуазель». Когда я слышу это слово, то так и кажется, что далее последует какая-нибудь пошлость. Да, я врач, работаю здесь с разрешения медицинского отдела Коммуны, и эти трупы – мои. Итак, чем могу служить?

Гражданка Тома шагнула вперед, и я наконец мог рассмотреть ту, чей покой так бесцеремонно нарушил. Сначала я увидел пистолет – огромный, старинный, странно смотревшийся в маленькой, словно детской, руке. Да и сама гражданка Тома едва доставала мне до плеча, однако вид имела решительный, серые глаза под стеклами очков смотрели с явным вызовом, вздернутый нос, покрытый веснушками, довершал общую картину. Лохматая меховая шапка, какую можно встретить разве что в Лапландии, странно сочеталась с дорогим английским пальто, поверх которого был надет ослепительно белый фартук.

– Рассматривать меня излишне, – гражданка Тома вздохнула и спрятала пистолет. – Лживые комплименты по поводу своей внешности могу выслушивать только от моего жениха, а все прочее обсуждать не собираюсь. Итак?

– Итак, – я принял вызов. – Поскольку, как человек воспитанный, обойтись без комплимента все же не могу, то прежде всего спешу уверить, что только очень мужественный человек решится работать с гражданами покойниками в таком месте, да еще ночью. А потревожил я вас, гражданка, по очень простой причине. На этом кладбище сейчас могут находиться некий молодой человек и некая дама. Очень вероятно, им понадобится помощь.

Стекла очков блеснули.

– Во-впервых, мужество, гражданин Люсон, здесь совершенно ни при чем. Днем кладбище работает, и мне для исследований остается лишь вечер. Сегодня, как видите, заработалась допоздна. Вынуждена вас разочаровать: тех, кто нуждается в помощи, я ни сегодня, ни вчера не видела, зато за последний месяц у меня уже пропало два трупа, так что в помощи нуждаюсь именно я, однако гражданин Деларю, наш сторож, имеет обыкновение спать в любое время суток, прежде всего ночью… Не смею вас задерживать, гражданин Люсон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.